

ОЧЕВИДЦЫ

Роман

— Ну чего, без работы остался? — ехидно ухмыльнулась соседка по лестничной площадке Клёпа Колдобина, когда Авдей Баклушин выносил свой щедушный мусор.

— Кризис, — развел руками Авдей, — нынче таких пострадавших много.

— Э, пострадавший... — не поверила Клёпа, — насколько я помню, ты больше от работы страдал, чем от без нее.

— Если работа была не по мне, страдал, не скрою.

— Это когда ты чернорабочим, что ли?

— Я чернорабочим никогда не работал, — гордо поднял голову Авдей, — подсобным — да, приводилось.

— А на кладбище?

— Это когда было? Да и почва там была не черноземная, а так, песочек... Так что про чернорабочество мое забудь.

— А подсобным это ты где? — не сдавалось ехидство в соседке. — При магазине ящики с водкой, что ли?

— Почему только с водкой? Там были напитки широкого профиля: и вина, и пиво, и фанга различная.

— А теперь кукиш, Авдюша? На что же ты будешь жить без работы?

— Зря радуешься. Тебя саму скоро с продажи билетов скинут.

— Меня не скинут. Я непьющая — раз, и у меня стаж — двадцать семь лет.

— Стаж, — грустно повторил, как эхо, Авдей, — со стажем у меня пробелы. На одном месте усидеть у меня, да, не получалось. Но подсобным я бывал не только на водке, я и в кино на подносе работал.

— На каком это подносе? — не поняла Клёпа.

— Ну, что-нибудь поднести, прибить, ввинтить. Очень меня ценили. Там таких ценят.

— Ты что, в съёмочной группе был?

— Еще как был! Кино, я тебе скажу, штука простая. Там голова болит только у режиссера да у продюсера, который деньги платит, а все остальные отдыхают больше. За пивом сгонять, если только...

— Ну, а теперь тебя и за пивом не пошлют, — продолжала ехидничать Клёпа.

— Ты меня плохо знаешь. Такие, как я, всегда будут нужны. Знаешь, что сказал Чехов? Маленькие писатели, которые пишут маленькие рассказы, можно сказать, лают такими же голосами, как и большие собаки, которые пишут большие романы.

Владимир Александрович Панков родился в 1937 году в городе Дмитров Московской области. Окончил МВТУ им. Баумана. Работал в КБ Ильюшина, в «Литературной газете», в киножурнале «Фитиль». Публиковал рассказы и повести в множестве изданий. Автор книг «Что мы знаем об этой жизни» и «Тандем с прицепом» (с Александром Курляндским). Живет в Москве.

— Кто это сказал? — не поверила Клёпа.

— Чехов Антон Павлович, великий писатель, который тогда еще писал маленькие рассказы про Каштанок. Точность слов я помню неточно, но за смысл отвечаю... Так что маленький человек — это тоже звучит гордо.

Клёпа Колдобина была смущена. Она и не подозревала, что Баклушин такой начитанный.

— Да, человек — это звучит гордо, даже если он маленький человек, — согласилась она.

— Человек — это звучит гордо, а обезьяна — перспективно, — добавил Авдей.

— Что ты имеешь в виду? — обиделась Клёпа, заподозрив намек на себя.

— Я с философской точки зрения, — Авдей опустил свой мусор в мусоропровод, — вернее, с дарвиновской... Без всяких намеков... А работу мы себе найдем. Помнишь Швейка? Чем он занимался? Он составлял фальшивые родословные для породистых собак и жил припеваючи.

— Ты что, тоже собираешься этим заняться?

— У меня нет ни одной знакомой собаки, ни породистой, ни дворняжки... — Авдей вдруг рассмеялся, — вспомнил анекдот про одного грузинского князя. Он представлялся: князь Палавандешвили... Ему с улыбкой: ну какие нынче князья? Небось вы бывший князь?.. А грузин в ответ: князь — это порода. Вы же не говорите «бывший пудель»... Правда, смешно?

— Я чего к тебе, Авдей, шла-то, — припомнила Клёпа, отсмеявшись, — газету читала, а в ней объявление, вот... «Высокооплачиваемая работа»... Вот тебе газетный клочок, позвонишь.

Авдей позвонил. Подтвердили: да, работа высокооплачиваемая.

— А что надо делать? — спросил человек, всю жизнь проработавший «на подхвате».

— А что вы можете?

— Я все могу. А что конкретно у вас?

— Приходите на собеседование. Побеседуем с глазу на глаз. Мы вам все объясним. У нас даже на обучение время выделено.

— Обучение платное?

— Бесплатное.

— Тогда приду.

Встретил Авдея прилично одетый человек при галстуке.

— Меня зовут Нюров Александр Давыдович. Я официальный представитель нашей фирмы.

— А что за фирма? — быстро перебил Баклушин.

— Об этом позже. Сначала мне нужно, чтобы представились вы.

— Я Баклушин Авдей Сысоевич, ныне временно безработный.

— Очень приятно.

— Что же приятного?

— Значит, мы сможем занять вас на полную рабочую неделю.

— А что надо делать-то?

— А что вы умеете?

— Я специалист широкого профиля, — сразу приосанился Авдей, — ну, а если по анекдотски, то — «в каждой бочке затычка».

— То есть вы незаменимый работник?

— Практически да. А в чем конкретно специфика вашего производства? И на какую зарплату я могу рассчитывать?

— Зарплата хорошая — это вы читали в газете, иначе бы не пришли, а специфика... Об этом надо поговорить отдельно. Садитесь... Вы когда-нибудь сталкивались с мелкими пакостями?

— Чего? — сразу вскочил только что присевший Баклушин.

— Уже хорошо, — подметил Нюров, — реакция быстрая... Нам очень важно, как вы реагируете на быстрое изменение ситуации.

— А почему про пакости спросили?

— Я мог спросить что угодно, но для меня главное, как вы станете реагировать, как импровизировать...

— А, — сразу догадался Баклушин, — тут у вас что-то связанное с актерством...

— Точнее сказать, с сообразительностью, — внес поправку Нюров.

— Ну, — расплылся в улыбке Авдей, — что-что, а с этим у меня все в порядке.

Потом в фирме, названия которой Баклушину так и не удалось узнать, начались вступительные экзамены. Точнее сказать, испытания.

Первым вызвали высокого красавца по фамилии Опричнев и предложили ему эту д.

— Вы обнимаетесь с девушкой...

Опричнев сразу стал искать глазами девушку, но на экзамене были одни мужики.

— С воображаемой девушкой, — уточнил Нюров.

Пришлось обниматься с воображаемой, то есть обхватить руками свою спину.

— Вдруг сзади слышите «руки вверх!».

Опричнев быстро поднял руки.

— Вздумали целоваться в троллейбусе, прямо в проходе, — продолжал обострять обстановку Нюров, — ну и нравы!

— А че? — стал оправдываться Опричнев. — Я бы и на сиденье мог обниматься, да мест нет. У нас уступают места только пенсионерам, пассажирам с детьми и беременным женщинам. А будущим беременным женщинам не уступают.

— Спасибо, — поблагодарил Опричнева Нюров, — можете посидеть пока, посмотреть на других претендентов. Следующий у нас Шаромыгин.

К Нюрову подошел человек с круглой, отъевшейся физиономией.

— Вы тоже едете в троллейбусе и пьете пиво...

— Баночное? — быстро поинтересовался Шаромыгин.

— Ну, не в кружке же... И тоже слышите сзади «руки вверх!».

— Не, пока не допью, рук не подниму.

— А вас не смущает, что вы пьете в общественном месте? Может, вам и супчика на тарелочке подать?

— Не, в тарелке супчик неудобно — трясет. Хотя стойте, на остановке можно и похлебать. Была бы ложка.

— А пиво, значит, удобно?

— А пиво из банки где угодно удобно. Хоть на футболе, хоть в метро...

— Вы фамилию свою не меняли?

— А что ее зря менять? Шаромыгин — хорошая фамилия.

— Все, вы свободны, — остановил словоохотливого претендента Нюров.

— Могу посидеть?

— А теперь я попрошу следующего... Дофонарев!

Подошел невысокий юркий человечек.

— Ваш этюд... Вы читаете доску объявлений. И вдруг сзади слышите...

— «Руки вверх!»? — быстро спросил Дофонарев.

— Нет, наоборот. «Руки вниз!»... Вы своими руками загораживаете обзор другим.

— А-а, — понял Дофонарев, — а с меня спрос, шо я там на доске вижу... Вижу объявления. «Журналист меняет профессию, — сказал заученно, а потом добавил задумчиво: — На двухкомнатную квартиру со всеми удобствами».

— Хорошо, — улыбнулся Нюров.

— «Студент пятого курса, — продолжил Дофонарев, — непьющий, некурящий, с широкими художественными интересами... готов вступить в фиктивный гражданский брак».

— Неплохо.

— «Приглашается на работу мужчина. На должность пожарного. Работа сдельная. Проезд к месту работы и обратно бесплатный».

— Но с сиреной! Очень хорошо.

— «Монетный двор приглашает фальшивомонетчиков! Для обмена опытом».

— Давайте еще.

— «В связи с кризисом магазину требуются... товары».

— Еще.

— «Кинорежиссер с женой снимут... художественный фильм».

— Еще.

— «Издательству требуется уборщица, не разбирающаяся в литературе».

— Очень хорошо. Достаточно.

— Я еще могу. Я этих объявлений читаю каждый день по сотне.

— Почему?

— Работу ищу.

— Вы нам очень понравились. Посидите пока, а мы пригласим, — Нюров заглянул в список, — Баклушина.

Авдей поднялся.

— Вам этюд посложнее... У вас чемодан без дна. Вы на вокзале выбираете зазевавшегося пассажира, подходите к его чемодану, незаметно опускаете на него свой без дна... и уносите, как свой.

— Чужой чемодан? — насторожился Баклушин.

— Вы же привыкли работать на подхвате?

— Привык, но...

— Вас заедает совесть? — попытался угадать Нюров.

— Заедает.

— Но это же этюд.

— А все равно заедает.

— Хорошо, вот вам этюд другой... Вам надо залезть в чемодан, и вас сдадут в камеру хранения.

— Меня? Зачем?

— Ночью вы вылезете из чемодана и пройдетесь по другим сданным вещам. По сумкам, чемоданам, сверткам. И все ценное переложите к себе. А потом влезете и сами.

— Как же я туда влезу, если там будут чужие вещи?

— Как-нибудь придется потесниться до утра, а утром вас в чемодане заберут по номерку.

— Но... это же... воровство же...

— Нет, это этюд на вашу сообразительность, на импровизацию.

Был объявлен перекур, и Баклушин вышел покурить. От волнения он никак не мог зажечь спичку и наломал кучу этих микродровишек вокруг себя.

Зато он услышал, как где-то недалеко в табачном дыму официальный представитель неизвестной фирмы Нюров переговаривался с туманной женщиной по фамилии Всячина.

- Опричнев мне не понравился, — говорил Нюров.
- Ну, почему? — возражала Всячина. — Красавец, высокий...
- Заметный, — прерывал ее Нюров, — а есть такие профессии, которым запрещено выделяться из толпы.
- Какие профессии? — не понимала Всячина.
- Ну, разведчики, преступники...
- Ах, поэтому...
- Шаромыгин может согдаться именно из-за своего врожденного жлобства, хотя места я ему еще не приглядел.
- Шестерка, — как-то легко определила ему место Всячина.
- Теперь Дофонарев... У этого мозги хорошие. Поможет нам в составлении цепочек, где никто никого не знает, а знают только его одного.
- Правильно, он за все и ответит.
- Теперь этот придурок Баклушин. Что с ним делать?
- Да, чересчур уж совестливый...

Баклушин быстро засомневался и решил поделиться своими сомнениями с соседкой по этажу Клёпой Колдобьиной.

— Проверяли на этюдах — залезть в чемодан, который потом сдадут в камеру хранения, а ты ночью, мол, вылезешь из чемодана и пройдешься по чужим вещам, которые тоже сданы на хранение. Но это же... — от возмущения Авдей захлебнулся.

— А что хоть за фирма? — спросила Клёпа, чувствуя свою вину за предложенную соседу газетенку с объявлениями.

— Таблички так до сих пор и не видел, но слова насчет разведчиков и преступников, которым не полагается выделяться из толпы, настораживают.

— Думаешь, что это могут быть и разведчики?

— Всякое может быть.

— Но чтобы в разведчики набирали по объявлению в газете? Любого с улицы?

— А преступники при чем тогда?

— Да, набирать в банду в открытую, при всех, при всем честном народе? Это вряд ли.

— Но сомнения у меня все же имеются.

— Знаешь что, — вдруг вспомнила Клёпа, — у меня есть одна знакомая журналистка. В газете работает. Фамилия — Оскомина Анька. Я ее, правда, Нюней зову.

— Что, нюни распускает?

— Никогда! Коня на скаку остановит, в горячую точку всегда... Надо связаться с ней.

Нюня Оскомина была девушкой умственно горячей. Любая хорошая идея ее зажигала и сотрясала, воображение било через край. Узнав, в чем дело, она смекнула тут же.

— Да, материал может быть сенсационным! Преступный мир, пользуясь кризисом, расширяет свою империю, свою мафию, свою «Козу ностру».

— Надо к ним внедриться, чтобы узнать все секреты изнутри, — добавила огня Клёпа.

— Вас уже взяли в штат, Авдей? — поинтересовалась Нюня. — Какую пообещали зарплату?

— Зарплата только в объявлении, — заметила Клёпа, — высокооплачиваемая...

— Высокооплачиваемая — это такая мелочь, — продолжала заводится Нюня, — у нас будут такие гонорары, что этой мафии и не снились... Представьте себе: вы сообщаете, где и когда они собираются грабить банк, мы ставим туда телевизионную аппаратуру и даем прямой эфир по Первой программе на всю страну. Да что там страну? На весь мир!

— Ой! — стал тихо балдеть Баклушин.

— Или похищение! — продолжала кипеть Нюня. — Они собираются похитить какого-нибудь значительного человека! Звезду, президента, Никиту Михалкова! А мы уже все это знаем и готовим освобождение на глазах у всех!

— Потрясающе.

— А вам, Авдей, остается только сообщить нам где и когда.

— А как я сообщу?

— По радиии! Впрочем, сегодня легко и по мобильнику.

— Обалдеть, Нюнька! Разведчик — в собственной стране! — восхитилась Клёпа.

— Но откуда я узнаю?

— Ты уже внедрен, Авдей! — хлопнула его по плечу Клёпа.

— Они могут поставить вас во главе штаба похитителей, — подняла свой указательный палец Нюня, — вам придется планировать похищение, а потом быстро сообщать свой план нам, чтобы мы успели подготовиться.

— Но я не умею составлять таких планов. Я никогда не составлял никаких планов. Я никогда никого не похищал.

— Ну вот, заныл, — скривилась Клёпа, — вот кто у нас настоящий Нюня, распускатель нюнь.

— Авдей, право, вы как ребенок, — погладила его по головке Оскомина, — ведь когда-то надо начинать.

Но чтобы «внедриться», чтобы Авдея приняли на эту «высокооплачиваемую работу», Баклушину пришлось публично отказаться от своей совести.

— Я все понял, — признался он Нюрову, — я согласен залезть в чемодан. Сдавайте меня в вашу камеру хранения.

— Что вы имеете в виду под «нашей камерой хранения»? — полюбопытствовала подошедшая некстати Всячина.

— Но это же был просто этюд, просто проверка, — заюлил Нюров.

— Я понимаю, — кивнул понимающим лицом Баклушин, — вы проверяли меня на вшивость, а я оказался чистоплюем. Но теперь я созрел, теперь я готов, как Родион Раскольников, переступить.

— Чего переступить? — мелко заморгала ресницами Всячина.

Только сейчас Авдей рассмотрел эту туманную женщину. Без дыма она оказалась очень даже ничего: волосы под пепел, глаза — хлоп-хлоп, ноздри...

— Чего переступить? — переспросил он. — Ну, там, проценщицу... — махнул ладонью. — Короче, я на чемодан согласен. Запихивайте меня, то есть мою кандидатуру.

— Чего это вы завелись, Баклушин? — остановил его Нюров. — Какая муха вас укусила?

— Меня укусила муха безработи-ЦЫ, — Авдей нарочно выделил эти две буквы, — так сказать, муха цы-цы.

— Хорошо, мы возьмем вас, но с испытательным сроком.

— Но сначала на обучение, — заметила Всячина и отвела Баклушина на занятия психологией.

А тут, как на заказ, произошло экстраординарное событие. Какой-то сумасшедший, сокращенно псих, забрался по цепям на высотные конструкции Крымского моста.

— Ой, чего это он туда залез? — удивленно спросил Баклушин, когда их повели на ознакомительную экскурсию.

— Я так понимаю, — стал размышлять Нюров, — не для того, чтобы смотреть из-под ладошки вдаль.

— А зачем тогда?

— А если он задумал распрощиться с жизнью?

— Ой, так надо его спасти! — сразу засуетился Баклушин.

— А спасти его можно, только отговорив от прыжка.

— Ну, так отговорите!

— А для чего мы вас нанмали? Для чего обучали? Вы, насколько я помню, Баклушин?

— Да, Баклушин.

— Вот вам и первое задание: забраться на мост и отговорить самоубийцу от его последнего шага.

«Ага, еще один этюд», — подумал Авдей и стал карабкаться наверх.

Полиция пыталась его остановить, но Нюров их отговорил:

— Это наш человек. Это наш профессиональный уговорщик.

А «уговорщик» Авдей Баклушин лез долго и неумело, а когда забрался на макушку моста, сразу спросил у «этного самоубийцы»:

— Тебя как звать-то?

Самоубийца долго не отвечал. Может, он предполагал, что к нему полезут представители власти или правоохранительных органов, но с виду это точно не мэр, не следователь, а такой же валенок, как он... Поэтому, подумав, ответил:

— Понюшкин я Григорий.

— Ты чего на мост полез?

— А ты чего?

— Я тебя увидел снизу и полез.

— А я... — Понюшкин призадумался, — а я полез оттого, что жизнь мне остобрыддела.

— Чего? — заморгал «уговорщик», он таких слов и не слышал даже.

— Ну, обрыдла, если сокращенно, — пояснил Понюшкин.

— Слова такие знаешь... Ты кем работаешь-то?

— Я безработный.

— О, так я тоже! Мы с тобой два сапога — пара.

— Это я только сегодня безработный, — обиделся Понюшкин, — а вчера-то я еще работал. И узнал та-акие секреты...

— Какие?

— Сказать тебе, ты тоже захочешь со мной туда, — самоубийца показал вниз.

— Не может быть, — надулся Баклушин, — у меня нервная система очень основательная, чтоб я захотел туда.

— Не хочешь — не надо.

— Нет, ты скажи.

— Не скажу.

— Почему?

— С такими тайнами не живут.

— Вот ё-мое, ты меня озадачил. Та-акие тайны! Какие такие? Не компромат?

— Компромат, он против одного кого-нибудь, а тут...

- Чего тут-то?
- Все не так, как мы думали.
- Загадками говоришь? Ты конкретно давай.
- Ну, конкретно так конкретно. Садись, расскажу...

А внизу-то шумно-гамно — телевидение приехало, из мэрии кто-то. А так вообще — толпа. То, что раньше называли зеваками, а сейчас — общественным мнением. И все вверх смотрят. Кто через очки, кто через бинокли, а некоторые — сумасшедшие — аж через закопченные стеклышки — как на солнечное затмение. И все на наших, на Понюшкина и Баклушина.

А те знай себе сидят, ноги свесили, даже закурили вроде. Внизу вздох облегчения. Большой такой вздох от сотни тысяч зрителей.

— Он что там, сдурел? — стал заводиться снизу Нюров. — Вместо уговоров уселись рассусоливать.

— Может, пожарных вызвать? — предложила Всячина. — С лестницей.

Но пожарная машина сделала только хуже. Только они стали свою лестницу разводить, самоубийца возьми да спрыгни.

— Ах! — сказала толпа.

Уговорщик прыгать не стал — нервная система на самом деле оказалась очень основательной. Стал спускаться некрасиво и неловко. Бледный внизу оказался, удрученный.

— Уговорщик, тоже мне, — встретил его Нюров упреками, — считайте, что испытательный срок у вас вышел боком.

— Александр Давыдыч, не торопитесь, — попыталась ослабить его напор Всячина, — а вы, Авдей Сысоич, продолжайте ходить на наши занятия.

Ничего не ответил им Баклушин. Так и ушел удрученный.

Нюня Оскомина всю историю о самоубийце выслушала вполуха, но когда Авдей дошел до тайн, застыла с широко распахнутыми глазами.

— Тайны неплохие, — оценила она, — но только не очень-то в них верится.

— А давай что-нибудь проверим. Хотя бы одну названную фамилию.

— Давай проверим. Только ты отвечаешь за точность названных фамилий?

— Нет, конечно. Во-первых, этот Понюшкин мог сам их напутать. Во-вторых, там наверху был ветер, и в ушах свистело. А в-третьих, я же не записывал. Кто же на макушку Крымского моста ползет с блокнотом и авторучкой? Все только по памяти. А память... Вот я уже и забывать кое-что стал.

— Садись и быстро пиши, что вспомнишь. Хоть что-нибудь...

— Вот за что я могу голову на отсечение отдать, так это грузинская фамилия Микстура.

— Стураа знаю, есть такой журналист, режиссер есть, а Микстура первый раз слышу.

— Стураа? — удивился Авдей. — Не знал. Тогда на отсечение всего полголовы.

Баклушин развернул листочек, на котором было все о Микстура, и стал искать табличку на доме.

Возле нужного дома стояла полицейская машина и лежал человек, укрытый простыней. Видимо, труп.

— Ой, что это? — привычно ойкнул Авдей.

— Не видите, убийство, — отодвинул его сержант полиции, — а вы кто?

- Я прохожий.
- Так идите.
- Куда идти?
- Вам подсказать куда? — сержант скрипнул зубами.
- Я догадываюсь.

Тут подошел другой сержант:

- Ин-ден-тифи... тьфу... Велено узнать, как зовут нашего трупа? Для протокола.
- Что-то медицинское, похоже на микстуру...

«Ага, — отметил про себя Баклушин, — все совпало».

Но тут появился лейтенант Оглоблин, держа мобильник возле уха:

— Мыльнева? Ольга, материал специально для вас. Икс-ключив. Приезжайте скорей.

Когда подъехал рафик с надписью на борту «Телевидение», из нее выпорхнула журналистка в бейсболке, кроссовках и майке с надписью на английском и помчалась к лейтенанту Оглоблину, Авдей решил по-тихому подобраться поближе.

— Бизнесмен, — объяснял лейтенант, — довольно крупный, убит, скорей всего, гранатой, по лицу видно, хотя по асфальту этого не скажешь... А вы кто? — он резко повернулся к подобравшемуся близко Баклушину.

- Я прохожий, — с готовностью откликнулся Авдей.
- Так идите себе.
- А что тут у вас?
- У нас тут убийство.
- А-а, — пришлось Баклушину, как порядочному прохожему, идти себе.

- Анна, — позвонил он Оскоминой, — подтвердилось.
- Еду, — откликнулась Нюня.

И быстро приехала.

— Фотки! — потребовала она сразу и стала просматривать, что там в мобильнике. — Труп хороший. Только следов гранаты не видно. Не удалось разнюхать, что это? Криминал, месть жены, месть любовницы?

- К-какой любовницы? — не понял Авдей.
- Да мало ли их у них... Тогда у нас в газете был бы заголовок «Чем по любимому сохнуть, не лучше ли любимого грохнуть».
- Ой, — удивился Баклушин, — а если жена?
- «Жена в порыве гнева — не бегай муж налево».
- С ума сойти, — восхитился Авдей, — а ты что, и на криминал можешь?
- «Ты зашухерил, блин, всю нашу малину и за это пулю получиай».
- Но там, кажется, граната...
- Наплевать на гранату! Но вы, то есть ты, Авдюша, молоток. Пока они там снимут для своих «Максимальных сенсаций», пока дождутся субботы-воскресенья, чтобы показать, наша газета «Мир на ушах» уже сто раз выйдет.

И убежала.

— Клёпа, — встретился Авдей с соседкой по лестничной площадке, которую с гордостью именовал «Красной площадью», — не нравится мне все это. Твоя Оскоминая, оказывается, работает в желтой газете «Мир на ушах» и соревнуется-конкурирует с телевизионными «Максимальными сенсациями», а я-то здесь при чем?

- Ну, значит, ты еще получишь.

- Что я получу?
- Что заработал.
- От кого получу? От лейтенанта Оглоблина или от репортерши Мыльневой?
- Насколько я понимаю в шоу-бизнесе, ты получишь от Нюньки.
- А за что? Я же ничего не написал. Я и писать-то не умею.
- За идею... Сейчас, ты заметил, стали платить и за идею, а не только за сценарий.

Впрочем, за идею, скорее, полагается мне.

- А мне?
- За это не бойся. Нюнька тебя не обидит.
- Да я-то что? Мне Гришку Понюшкина жалко. За что он жизнь свою отдал? За то, что ему все осто... остобры... обрыдло?

В редакции «Максимальных сенсаций» справляли триумф Мыльневой.

— Ольга! Ты гений нюха! Когда еще никто ни ухом ни рылом — ты уже на месте преступления или катастрофы!

- Это не нюх, это интуиция!
- Она чувствует это кожей!
- У нее предчувствие преступления!
- Да, этот свежий ее репортаж — штука посильнее триумфа воли!

Но когда аплодисменты и поцелуи стали понемногу стихать, какой-то тип, только что приехавший в Останкино на общественном транспорте и купивший у метро газету «Мир на ушах» для того, чтобы завернуть в нее пару чебуреков, а после съедения чебуреков утиравший ею руки и нечаянно наткнувшийся глазом на обложку, где сообщалось об убийстве Микстура с тремя вариантами версий: «криминал, месть жены или месть любовницы»... этот тип насмешливо поинтересовался:

— Какое предчувствие? О чем вы говорите? Когда даже желтая пресса об этом уже давно сообщила?

Такую песню испортил, гад...

— Как это могло случиться? — задрожал генеральный продюсер, заглядывая прямо в глаза Мыльневой.

— У нас это первый прокол за все время существования наших «Сенсаций», — едва не заплакал шеф-редактор.

— Нужно журналистское расследование! — не своим голосом заорал замглавного. — Как могла произойти такая неслыханная утечка информации?

— Предлагаю просить разобраться во всем этом деле самого Стоеросова, — предложил генеральный продюсер.

Стоеросов, могучий мужчина с дымящейся трубкой в руках, подошел к Мыльневой:

- Откуда к тебе поступила информация о Микстура?
- У меня все схвачено, — стала оправдываться Мыльнева, — полиция, которой я отстегиваю свой процент, всегда сообщает мне первой. И по негласному уговору — никому больше.
- Каков процент отстегивания?
- От четверти до половины моего гонорара.
- Не мог интерес ментов кто-нибудь перекрыть?
- Сказали бы.
- Уверена?
- Вообще-то об этом не говорят. Это как бы подразумевается. Таков порядок вещей.

— Давай без общих слов.

- Все же люди.
- Опять общие слова... Каков у тебя с ними контакт конкретно? На уровне поужинать вместе или только звонки?
- Я их в титрах указываю.
- Мало.
- Но я как-то не задумывалась даже. Все и так шло как по маслу: сенсация за сенсацией, авария за аварией, катастрофа за катастрофой.
- О прошлом забудь.
- Как можно забыть о таком количестве самых разных статуэток? Одних ТЭФИ...
- Сейчас мы говорим об утечке информации. Давай-ка вернемся к нашим баранам.
- Это вы о лейтенанте Оглоблине?
- Я даже фамилию его не слышал. У него бригада проверенная?
- Под пыткой ничего не скажут.
- А все оплачиваются или только лейтенант?
- Все.
- Случайный прохожий? Вспоминай, вспоминай, ищи.
- Прохожий? — Мыльнева завспоминала. — Да, подходил один. Шибзик такой невидашней.
- Вот! Для разведчика самое главное — казаться шибзиком... Значит, задача у нас простая — найти случайного прохожего!
- Но в нашей стране прохожих — миллионы.
- Вот в этом миллионе мы и попытаемся найти тот самый алмаз, через который у нас произошла утечка информации.

Тем временем шибзик Баклушин стоял на Крымском мосту с Клёпой Колдобиной и рассказывал о гибели Понюшкина.

— Вот оттуда он и сиганул...

Клёпа посмотрела на макушку моста, потом перевела глаза на реку и оценила расстояние:

— Да-а... А он точно плавать не умел?

— Не умел. Мне поклялся...

— А спасти его не могли? Какие-нибудь добровольцы, может, катер, может, спасательный круг кто бросил?

Баклушин пожал плечами.

— Я, пока трупа не увижу, ни во что не верю. Мне и тот Микстура покоя не дает. Кто его осматривал? Какие там раны? Где заключение врачей?.. Есть у меня один знакомый медик, он всюду вхож, надо будет его попросить...

Ночью Клёпа, Авдей и медик в очках проникли в морг.

Отыскали фонариком труп с бумажкой на простынке, прочли на бумажке «Микстура» и стали осматривать.

— Труп недельной давности, — оценил медик, — пострадал, скорей всего, в автомобильной аварии...

Баклушин достал фотографию Микстура и протянул ее медику.

— Лицо обезображено, — возразил медик, — идентификации не подлежит.

— Вот тут, за ухом, на фотографии родимое пятно, — заметила Клёпа.

— На трупе за ухом пятна нет.

— Значит, это может быть и не он, — заключила Клёпа.

Утром Колдобина и Баклушин пошли в редакцию к Оскоминой.

— Нюня, мы поделиться новостью, — начала Клёпа, — Микстура, который был у тебя на обложке, возможно, не он.

— Ну и что? — отмахнулась Оскомина. — Я вот только что присобачила заголовок на обложку «Выволочко заразилась каббалой от Мадонны».

— Разве каббала — болезнь? — удивился начитанный Баклушин.

— Да еще заразная? — поддержала удивление Авдея Клёпа.

— А гляньте на фотографии... У певицы Выволочко красная нитка на запястье!

— Ну и что?

— А это символ каббалистов! А на Мадонниной руке тоже красная нитка! Значит, какой вывод? Заразилась!

— А если красная нитка означает что-то совсем другое?

— А это не наше дело. Но в заголовке, да еще на обложке, сразу два имени звезд и слово «заразилась» — это ли не привлечет внимания читателей?

— Ух ты, — восхитился Баклушин.

— Нюнька, я всегда говорила, что ты гений, — добавила Колдобина.

— К сожалению, гений только желтой прессы, — привычно отмахнулась Оскомина.

— Но ты, Нюня, вкладываешь смысл совсем не тот, что может быть... Тебя это не смущает?

— Смущает, Авдюша, смущает. Меня уже давно многое смущает. И очень уж красивые преступления, о которых я пишу, и очень уж красивые улики, и как-то уж очень все сходится...

Потом Баклушин решил навестить «фирму», куда его взяли «на высокооплачиваемую работу».

— Ага, наш замечательный прохожий появился, — обрадовалась Всячина.

— А что такое? — засмутился Авдей.

— Вас уже разыскивали.

— Кто разыскивал?

— С телевидения.

— С телевидения? — удивился Баклушин. — Для чего?

— Откуда я знаю, но я ваш адресок им дала, не обессудьте.

— А Нюров где?

— Вам-то он зачем?

— Обещал «высокооплачиваемую работу», а я что-то денег не вижу.

— Нюров сейчас проводит этюды с новенькими. Зайдите посмотрите.

Баклушин зашел в класс. У доски стояла молоденькая девушка по фамилии Выскребенцева, но с лицом олимпийской чемпионки Пекина по ходьбе под дождем Каниськиной и читала стихи.

Мы все у жизни вроде реквизита,
Болтаемся на сцене средь вещей.
То мы на первом плане, то забыты,
А многие для мебели воще.
Нужны мы часто только лишь для фона,
На коем жизнь играет глупый фарс.
А иногда по целому сезону
На сцене этой и не видно нас.
Снесут в подвал, поставят в паутину —
И ты сиди в пыли до лучших дней.

А в темноте какой-нибудь скотина
 Тебя завалит ветошью своей.
 Но вдруг — лафа! Тебя почистят щеткой,
 Прогладят складки, ежели морщит.
 Ты вновь на сцене, смотришься в охотку
 И у тебя одушевленный вид.
 Тебя совсем не тянет за кулисы,
 Ты в первом акте — на стене ружьем
 Сосредоточенно висишь, со смыслом,
 Чтобы потом шарахнуть во втором...
 Мы все у жизни вроде реквизита.
 В сравненье этом никаких обид.
 Ведь жизнь прекрасна. Как по нам пошита.
 И как влитая села и сидит.

— А кроме стихов что можете? — улыбнулся Нюров.

— Да многое могу, — смущенно пожала плечиком девушка, — шить могу, готовить могу...

— Ладно, посидите пока.

На этом этюды закончились, Александр Давыдыч пошел покурить, а девушка присела на стул возле Баклушина.

— На кого здесь учат? — тихо спросила она.

— Шить могу, готовить могу, — улыбнулся Авдей, — здесь учат не женами быть, а очевидцами...

— А как это?

— Ну, прохожими... Происходит какой-нибудь случай, а никто ничего не видел, не слышал... Только случайный прохожий случайно одним глазком... Вот на таких и готовят.

— Что вы говорите? — сделала глаза девушка. — А мне говорили, что на телевидении зрителями хлопать... В театре клакать...

— А это что? — не понял Авдей.

— Ну, клака называется... Зашикать кого-то, кто не нравится, или, наоборот, зааплодировать до смерти...

— Не, я так понял, что готовят только свидетелей, понятых, прохожих...

— Но почему тогда пишут, что оплата высокая?

— Я и сам не понимаю.

— Как хоть фирма называется?

— Тоже не знаю. А вокруг ни вывески, ни таблички... Хоть бы кто-нибудь визитную карточку уронил...

— Вас как зовут?

— Меня Авдей. А вас?

— Меня Тюля. Давайте держаться вместе, хоть что-нибудь узнаем тогда.

— Давайте.

Тюля и Авдей долго потом бродили по городу. Болтали ни о чем, играли в классики, нарисованные мелом на асфальте, пока наконец не занесло их опять на Крымский мост, где Баклушин сразу стал вспоминать Гришу Понюшкина с его предсказаниями.

— Он что, астрояб? — спросила Тюля.

— Я даже не знаю, что это такое, — признался Авдей.

— Астролябия, — попыталась объяснить Выскребенцева, — это астрономия, но легкого поведения.

— Нет, у него это не было связано с астрономией. Он просто сделал меня случайным хранителем неизвестно чьих тайн.

— Та-айн? — протянула Тюля.

— Вот, к примеру, тютелька на шесть миллионов долларов. Что это?

— Ну, может, это «тютелька в тютельку», то есть ровно шесть миллионов? — наивно прощепетала Тюля.

— Может быть.

— А может быть, просто драгоценность такая маленькая, что ее ласково называют «тютелькой», а стоит она шесть миллионов?

— Тоже может.

— А может, это вообще всего лишь фамилия — Тютелько?

— Тоже, — согласился Авдей.

— Надо будет заглянуть в Интернет. Может, это какой-нибудь пропавший... Знаешь, пишут: ушел из дома и не вернулся... А по фамилии мы и адрес, где он жил, узнаем.

Все точно так и вышло, как Тюля предположила. Тютелько Семен проживал на Шестой Перпендикулярной улице, дом тридцать шесть.

Правда, соседи сказали, что его давно не видели. Ну, месяца два — точно, а, может, и год с небольшим... Жена у него была гулящая, звали Динкой. А хахаль у нее был Аркашка. На белом «мерседесе» приехал.

Тюля предложила обратиться в ГАИ, где они по белым «мерседесам» нашли фамилии владельцев, а по имени Аркашка очень скоро вышли на Савеловского Аркадия Борисовича.

Аркадий Борисович, оказалось, был владельцем фирмы «СТОН» — строительство таунхаусов особого назначения, то есть строил трехэтажные замки рядом с Москвой.

На разведку в «СТОН» Авдей и Тюля отправились как будто семейная пара, заинтересованная в приобретении таунхауса. Конечно, для этого пришлось разжиться у друзей гламурными шмотками.

В «СТОНе» Тюля быстро разыскала секретаршу, имя которой не запомнилось да и не имело смысла его запоминать, но душа-человек... По причине отсутствия «самого» со своей Динкой где-то в Куршавеле девочки проболтали до конца рабочего дня. Но зато Тюля узнала много интересного и пикантного! Не поверишь!

Оказалось, у Савеловского есть друг по фамилии Павелецкий. Он занимается строительными материалами для таунхаусов. И он попросил в долг у Аркадия Борисовича. Для оплаты мрамора из Италии. Шесть миллионов евро на месяц.

Проходит месяц, и Павелецкий приносит Савеловскому долг в полиэтиленовом мешке. Отдает долг, расписывается, что все отдал, и уходит, как говорится, ничтоже сумняшеся... Что это на самом деле означает, не знаю, но красиво звучит, правда, Авдюша?

А утром... А утром в сейфе, куда положили шесть миллионов евро, обнаруживают... кучу пепла! Жуть! Шесть миллионов денег сгорели, как папиросная бумага!

— И думаешь, что оказалось? — Тюля потрясла указательным пальчиком. — Оказалось, Павелецкий пошутит!

— Ну и шуточки, — насупился Авдей.

— Его шесть миллионов почему были в полиэтиленовом мешке? Потому что были обработаны каким-то химическим составом, который от соединения с кислородом воздуха, воспламенялся! А в мешке был один вакуум, и ничего больше!

— Да, шесть миллионов — это да, — продолжал насупливание Авдей.

— А что оказалось? — снова радостно подняла указательный пальчик Тюля. — Оказалось, что деньги были ненастоящими!

— Шесть миллионов фальшивок? — перестал насупливаться Авдей.

— В этом со смехом признался сам Павелецкий!

— Надо идти к самому Павелецкому, — предложил Баклушин.

Павелецкого в его строительной фирме тоже не оказалось, но секретарша Соня была. Тюля ее очень быстро расположила к себе и разговорилась. Узнала много интересного и пикантного!

Оказалось, что фальшивыми деньгами ради шутки Павелецкого снабдил какой-то хмырь. Это именно он изобрел состав для обмазывания денег, которые от соприкосновения с воздухом начинали нагреваться, а потом и вспыхивали. Это именно он предложил разыграть Савеловского сгоранием большой кучи денег. Хмырь предлагал сжечь десять миллионов, а Павелецкий останавливался на миллионе. Сошлись на шести.

Сам аттракцион со сгоранием миллионов нежальных денег собрал много зевак с фирмы Павелецкого, секретарша Соня тоже была там, но фокус не удался — Савеловский со своей Динкой был на Лазурном берегу, и бедные деньги пришлось положить в сейф. Где они и сгорели, но уже без публики. Без ужаса и аплодисментов. Такой эффектный номер пропал, прошел впустую.

— Я, кажется, знаю, как зовут этого хмыря, — неожиданно догадался Баклушин.

— Какого хмыря? — забыла начало своего рассказа Тюля.

— Его зовут Тютелько! Это у него хахаль Савеловский отбил жену Динку, и Тютелько ему отомстил.

— Как отомстил? — ничего не поняла Тюля.

— Сжег шесть миллионов евро! — поднял свой указательный палец Авдей.

— Но это же были ненастоящие евро, а значит, и месть была ненастоящей. Настоящие евро Павелецкий потом Савеловскому вернул. Это же был просто розыгрыш, шутка...

— Ну и шуточки у этих богатеев... Только что-то меня в этой истории не устраивает, Тюля.

— А что?

— Трупа нет.

— Какого трупа?

— Не знаю какого. Но только Понюшко с Крымского моста зазря поканчивать с собой не стал бы. Он знал, что говорил. Да и на Микстуре мы уже убедились.

— А Тютелько?

— Что Тютелько?

— Может, он — этот самый труп?

Баклушин надолго задумался. До вечера. Когда по телевизору в передаче «Максимальные сенсации» он увидел своими глазами, как сгорают миллионы евро на жестяном подносе.

— Откуда они узнали? Ведь эти миллионы уже сгорели! И в сейфе, а не на блюде!

— Может, это была инсценировка? — предположила Тюля. — Или, как это у них называется, реконструкция, кажется? Или реанимация?

— Нет, реанимация — это оживление, — поправил Авдей.

— Ну, в общем, они хотят показать, как это было, как могло быть...

— Но зачем сжигать по новой столько денег?

- Ты забыл, что они фальшивые? А на телевидении — вообще реквизит.
- Все-таки много странного, — снова призадумался Баклушин.

Озадаченные Авдей и Тюля пошли на свою «высокооплачиваемую работу».

А у самого входа встретили оживленного Шаромыгина.

- Ой, ребята, что вам сейчас расскажу... Иду я себе по улице...

И Авдей Баклушин с Тюлей Выскребенцевой живо увидели эту картину: шел Шаромыгин по улице, а навстречу ему — человек с микрофоном.

- Простите, можно вас на минуточку? — спросил человек с микрофоном.
- Вообще-то можно, хоть я очень спешу.
- А куда вы спешите, если не секрет?
- Конечно, это не секрет — я спешу на помощь человеку, попавшему в беду.
- Это ваш друг?
- Что вы, я даже его не знаю.
- Тогда почему вы так торопитесь?
- Помочь человеку, попавшему в беду — это мой долг.
- Долг — это означает, что вы должны... Вы ему что-то должны?
- Кому ему?
- Этому человеку, на помощь которому вы так торопитесь.
- Я же говорил вам: я его не знаю.
- Откуда же вы узнали, что он в беде?
- О, я себя знаю...
- В каком смысле?
- Пока я тут с вами прохлаждаюсь, беда с ним и случится. Но в последнюю ми-

нуту я тут как тут!

— Ах, в этом смысле... Тогда бегите. Извините, что я вас задержал. Бегите — и беды, может быть, и не будет.

- Будет. Я себя знаю.
- Так это что, от вас зависит?

— Если следовать вашей логике, то я как бы бедоносец? — Шаромыгин стал рассуждать вслух. — Человек, приносящий беду? Даже в чем-то заказчик? Нанимаю кого-то, типа киллера, и прошу его к назначенному сроку доставить определенному человеку беду. Чтобы я в последнюю минуту как бы спас его от беды, так?

- Это скорее ваша логика, а не моя.

— Но сами подумайте, какой мне смысл спасать его, если я его совершенно не знаю?

- Помочь человеку, попавшему в беду, — это ваш долг. Вы же сами говорили.
- Ах да, я же говорил вам...
- Тогда бегите, спешите на помощь человеку, попавшему в беду.
- Он еще никуда не попал.
- Куда никуда?
- В беду не попал.
- Откуда вы знаете?
- У меня есть какое-то шестое-седьмое чувство, которое мне подсказывает...
- Что за чувство?
- Неудобно говорить...

- Почему неудобно?
- Меня даже называют за это... Тампаксом, — засмутился Шаромыгин.
- В каком смысле?
- Я всегда оказываюсь в нужном месте в нужное время, — пояснил Шаромыгин, — но это ни о чем не говорит. Я не по этой части.
- Я что-то не понимаю, совсем запутался тут с вами, — растерялся микрофонщик.
- Ну вот, уже запутались, а ведь остановили меня на минутку...
- Я вас на минутку? Разве это я вас остановил?
- А кто же еще меня остановил? Вы для чего здесь стоите? Да еще с микрофоном. Человек с микрофоном ударил себя по лбу:
- Тьфу ты, совсем забыл. Я же тут опрашиваю прохожих.
- Каких прохожих?
- Случайных, каких еще...
- По какому поводу?
- Ни по какому.
- Так не бывает.
- Ну, хорошо. Мы просто решили определить лучшего.
- Чего лучшего?
- Лучшего прохожего.
- Лучшего прохожего мимо вас?
- Почему только мимо меня? Мимо вообще.
- То есть лучшего прохожего этой улицы?
- Почему только этой улицы? Прохожие, они всюду ходят.
- То есть города?
- Что нам город?
- Ой, страны?
- Задача нашего опроса — определить лучшего прохожего всех времен и народов.
- Всех народов? — задохнулся от восторга Шаромыгин.
- Ведь что такое прохожий в принципе? Это человек, который идет мимо, — ведь так?
- Это я-то мимо? Я, который принципиально не проходит мимо! Ни за какие коврижки! — гордо ответил хорошо обученный прохожий Шаромыгин.
- Так вы мимо меня что, из каких-то высоких соображений шли?
- Нет, мимо вас я пробегал как раз случайно, но я из тех, кто никогда не проходит мимо. Помните, раньше всюду висели такие стенды «Не проходите мимо»? С фотографиями пьяниц, проституток... Так я никогда мимо не проходил. Больше того, я даже старательно запоминаю лица тех, кого разыскивает милиция.
- Зачем?
- Пригодится.
- Для чего?
- Нет, вам никак не понять мое призвание.
- Призвание? — удивился человек с микрофоном.
- Да, мое призвание случайного прохожего.
- Призвание прохожего? Нет, не понимаю.
- Не понимаете, а ведь это так просто: если где-то что-то случается, всегда приглашают в свидетели прохожего. Мало ли, вдруг что-нибудь видел, что-нибудь слышал. Так вот я из тех... Больше того, я всегда с радостью... И со всеми красками! Очень много красочных деталей! Из моих показаний случайного прохожего можно написать целое «Преступление и наказание».

— Как интересно... Так вот вы какой, оказывается?

— Да, я прохожий, но не простой, а с изюминкой. Я столько случайно видел вот этими глазами...

— Расскажите что-нибудь.

— Что?

— Что-нибудь из вашего «Преступления и наказания».

— Ну, там до наказания дело не всегда доходило. Этими глазами я видел только преступления. Иногда даже не преступления, а возможности преступления. Так сказать, предчувствия преступления.

— Расскажите, это же очень интересно. Вас услышат миллионы, которым это интересно.

Шаромыгин сразу стал прихорашиваться, сдувать, стряхивать с себя пыль, надуваться от важности.

— Миллионы услышат... — размечтался он.

— Говорите, — протянул ему микрофон интервьюер.

— У меня смешались мысли. Я как-то сразу не могу все вспомнить в деталях.

— Ну, хоть что-нибудь и в общем, без деталей.

— Хоть что-нибудь, для разгона, так сказать... На манер анекдотов, да? Кто-то один начнет для затравки, а у других тут же тыщи аналогичных случаев.

— У каких других?

— Это я так... Что же мне рассказать вам для затравки?

— Что-нибудь.

— Иду я тут как-то вечером, никого не трогаю... А навстречу мне один... Кочкин, который занимается систематическим пьянством. Но не пьяный. Это мне сразу показалось подозрительным. Не понравилось.

— Почему?

— Отвечу вам песней, — Шаромыгин вдруг запел на мелодию народной песни «Меж высоких хлебов затерялося небогатое наше село».

Ах, беда приключилась страшная,
Мы такой не видали век...
Отказался на пьянке вчерашней, блин,
От стакана вина человек.
Этот случай был первый в окрестности...
Старики помнят из году год.
Ведь до этого в нашенской местности
Проживал только наш, блин, народ.
Этот вел себя, блин, подозрительно...
Догадались на паспорт взглянуть.
Был по паспорту русский, действительно,
Но мы знаем, в чем русская суть.
На него глянуть было тошнехонько...
В голос хор из старух голосил.
Осмотрел его лекарь скорешенько
И ногтем у виска покрутил.
Ему, бедному, врач экстрасенсорный
Дал одну установку: не пить!
И охота... И вроде неловко, блин.
Как с такой установкою жить?

Стала жизнь враз пуста и уродлива,
И пахло трагедией тут...
Далеки они страсть от народа, блин,
Те, которые напрочь не пьют.

— О, да вы еще и поете...

— Это я так, для души. И не сам сочинил. Это сочинил один малый, а мне только дал слова написать.

— Про этого малого потом. Не забудьте того, который занимался систематическим пьянством. Фамилию забыл.

— Кочкин! Кочкин его фамилия. Действительно, он занимался систематическим пьянством.

— Но тогда он был трезвым, что вам сразу показалось подозрительным...

— Еще бы не подозрительным. Этот Кочкин подходил к машине, явно намереваясь ее угнать.

— Поэтому и был трезвым! Кто же пьяным за руль садится?

— Теперь и вы понимаете... Но с другой стороны машину хотел угнать совсем другой преступник.

— С чего вы решили?

— Между ними завязалась драка. С нанесением телесных повреждений.

— И что дальше?

— Кто-то, откликаясь на шум во дворе, вызвал полицию.

— Полиция прибыла и...

— Вот! Наконец-то!.. Полиция прибыла и стала опрашивать прохожих. А из прохожих — один я. Я и дал показания как очевидец — меня даже сфотографировали и в полицейской газете поместили. Но я ее не достал, газета ведомственная — и я прославился только на одну полицейскую общественность.

— Да, вроде пустячок, а приятно.

— Какой пустячок, что вы? Драка была ужасная, им обоим потом дали за драку по многу лет, но зато машина цела. Какой-то дорогой иностранной марки машина! А вы говорите, пустячок.

— Что-то не пойму... Так это вы, что ли, вызвали полицию?

— С чего вы решили?

— Вызвали полицию, прервали драку, предотвратили угон...

— Вы напрасно выставляете меня мелким стукачом. Я профессиональный очевидец, а не стукач. Даже не очевидец, а так, прохожий... Да я вам просто неудачный пример вспомнил. Лучше я другой какой... — заметив, что опроситель-опрошант-опрошолог, или как его там. эксперт по опросу, убирает свой микрофон в сумку, Шаромыгин заволновался, потому что слава уплывала из его рук, ну, может, и не вся слава, а минута славы, но все-таки уплывала, — потом меня понять надо. Воспитывался я еще при старой советской власти на несунах. Тогда их много было. Платило государство мало — вот и несли. Кто что, кто откуда. Кто где работал, тот оттуда и нес. Через дырку в заборе, за пазухой... Со спиртного завода водку за щекой выносили. Щеки у всех работников — во были! И никто не видел... А я случайно мимо проходил. Шесть миллионов тогдашних народных денег спас. И был отмечен почетной грамотой. У меня этих почетных грамот... А это только несуну, даже не жулики, по нынешним временам просто тьфу. А преступники случались — о-го-го, их всей страной ловили. Вроде черной кошки неуловимые, а почему неуловимые? Потому что черную кошку пытались ловить в темной комнате. но кто же ловит черную кошку в тем-

ной комнате? Черную кошку надо видеть! Глазами очевидца! Ох, эти черные кошки нашего брата, прохожих, бояться... Но прохожие-то разные бывают. Один идет, себе под ноги уткнется и о своем думает. А ты о чужом думай! Другой идет и на витрины глазееет, а бандитов вот с такими рожами напереверес не замечает... Какой же вам пример для примера привести?.. Я тут в больнице лежал. Я вообще-то нечасто болею, а по случаю. То на ногу что-нибудь тяжелое, то руку куда-нибудь ненароком, то нос... А тут рот обжег. Не помню чем, но его мне закрыли надолго. Вся морда была забинтована, только уши наружи. Это меня и спасло от профессионального провала.

— Какого профессионального провала? — не понял опрошолог.

— Ну, то есть от провала профессионального прохожего... Хотя на больничной койке какой я прохожий? Так, куль с костями. Пролежень. Лежал себе и в ус не дул. А сосед у меня... Я его и не видел, какой он из себя... Но болтал он много. В бреде, может, но фамилии называл. В том числе врачей и медсестер, которых подкупать приходилось во взяточном отношении. Болтал себе, и все... А я не спал. У меня сна не было. Я, конечно, не записывал, но все запомнил... А когда мне рот открыли наконец, я тут же показания дал как прохожий... Ну, не очевидец же — у меня и глаза были завязаны. Дал показания на врачей и медсестер, но меня все-таки выписали из больницы со званием лучшего больного!

— Поздравляю.

— Но что я вам все про лежачего прохожего? Я был и сидячим.

— Ноги, что ли, сломали?

— Нет, нет. Сажу я раз в театре. В кукольном... Я только в кукольный хожу, поскольку недалеко живу. И вот сажу я на пьесе про крокодила Гену и Чебурашку... И на моих глазах происходит, страшно сказать, изнасилование на рабочем месте. Это невозможно, скажете вы...

— Невозможно, — легко согласился опрошолог.

— Но вот представьте себе...

— Не могу представить.

— А вы представьте! Артистка, не буду называть фамилии, одной рукой играет крокодила Гену, а другой — Чебурашку. Обе руки заняты. И за честь постоять нечем... Но я-то, сидя в зрительном зале, обратил внимание на нелогичные реплики персонажей типа «не надо, что вы делаете» и спас артистку от буквально изнасилования на рабочем месте. Кто вызвал полицию, не знаю — все-таки зрителей в зале было немало, но кто давал показания как случайный сидячий прохожий — уж извините. Меня потом на суде называли еще лучшим в мире зрителем. Хотя какой я лучший зритель, если я в принципе простой прохожий.

— Да, призвание чувствуется.

— Хотя мне доводилось бывать и лучшим пациентом...

— Это как?

— Это я в поликлинике в очереди к врачу сидел, а они там у себя таблетки «плацебо» (или плацебо) проверяли.

— А что это?

— Ну, это как бы медицинское фуфло. Таблетки ни с чем, таблетки ни от чего. Но когда их дают, они психологически на больного действуют.

— Ну и что?

— Ну, я и выиграл.

— Каким образом?

— На меня это плацебо лучше всего подействовало. Мне даже к врачу не понадобилось. А они еще в тот день выясняли: имеет ли лечебное воздействие на пациен-

та сидение в очереди к врачу. Оказалось, имеет — я пример. Мне — мало того, что лучший больной, мне еще и почетную грамоту дали.

— Поздравляю.

— А один раз я чуть не стал лучшим клиентом. Меня обули в обувной мастерской, обрили в парикмахерской...

— Постойте, постойте. Обрили, обули — вроде все нормально.

— Вы плохо знаете родной язык. Обули — это означает надули, а обрили — считайте, что обобрали.

— Я плохо знаю родной язык, плохо, — тоскливо согласился опрошолог, давая понять, как надоел ему этот пустой разговор.

— Но я при этом, заметьте, написал им благодарности.

— За что?

— Вот такой я человек.

— Но вам лучшего клиента все-таки не дали, так?

— Не дали, потому что моего конкурента — женщину из дома напротив — обули еще и в ателье, и в ремонте телевизоров, и... всего восемнадцать раз. А уж в парикмахерской ее так обрили!

— Женщину? Обрили?

— А что женщину?.. У нас все равны.

— Равны, но какая-то досада, что вы не лучший, чувствуется.

— Еще бы. Она же не написала им за это ни одной благодарности.

Вот тут раскрасневшийся перед Авдеем и Тюлей Шаромыгин аж присел от восторга: Вот щас начнется самое оно! Вдруг к нам подбегает один всполошенный следователь!

— Где вы запропали?

— А что такое?

— Только что тут недалеко состоялось преступление.

— Состоялось?

— Произошло, произошло... И никаких следов: ни окурков, ни пуговиц оторванных, ни отпечатков пальцев — вся надежда на вас.

— Но он-то при чем? — не понял опрошолог. — Он же здесь со мной все время...

— А чего это он здесь? — набычился следователь.

— Интервью дает.

— Какое еще, на фиг, интервью?

— Как прохожий.

— Как претендент на звание лучшего прохожего, — поспешил уточнить Шаромыгин.

— Пока он здесь вам языком болтает, за углом преступление без единой улики, а вся надежда на него.

— Видите, вся надежда на меня, а я тут с вами ля-ля. Считайте, что из-за вас я на работу опоздал.

— На какую такую работу? — заморгал опрошолог.

— По даче показаний, — пояснил Шаромыгин.

— Может, чего слышали отсюда? — продолжал беспокоиться следователь. — Все-таки за углом недалеко...

— Звук, знаете ли, распространяется довольно-таки прямолинейно, — заумничал опрошолог, — всякий угол, всякое препятствие искажают звук...

— Да вы что тут, белены объелись? — вскипел правоохранительный орган. — Там же взрыв жуткой силы состоялся... произошел, а вы про какие-то препятствия...

— Взрыв? Странно. Что, и воронка есть? — «заработал» Шаромыгин.

- Есть, есть.
- Ну, если взрыв, то улики могло и раскидать...
- Да? — смекнул что-то свое следователь и быстро ушел.
- Как неудобно получилось... — застеснялся Шаромыгин. — Я бы все это мог видеть своими глазами, а потом детям своим, внукам своим рассказывать.
- У вас есть внуки?
- Откуда? У меня нет и детей пока.
- Расскажите немного о своей личной жизни. Как вы вообще живете?
- Живу с размахом. Недавно решил построить себе садовый домик.
- Типа дачи?
- Хм, дача... Садовый домик из вишневых косточек!
- Ничего себе размах. Это ж сколько надо косточек?
- Я подсчитал — нужен один миллиард косточек... Уже несколько лет после урожая произвожу набор — три миллиона уже собрал.
- Я понимаю, это приблизительно.
- Это точно. Я каждую зиму пересчитываю. В работе не должно быть мелочей.
- Но строить будете только из своих или станете закупать у других. Необязательно вишни, можно только косточки.
- Только из своих. Принцип чучхе.
- Но поделить миллиард на три миллиона — это ж сколько вам еще ждать?
- А я не тороплюсь. Вернее говоря, собираюсь жить вечно.
- Тут снова вбежал молодой следователь, держа в руках шнурок от ботинка.
- Спасибо за подсказку. На крыше соседнего дома обнаружены шнурки.
- А по шнурку можно определить цвет ботинка, — заметил Шаромыгин.
- Цвет-то коричневый, — показал следователь, — а вот размер?
- По шнурку размер не определишь. Но по теории вероятности, если шнурки забросило на крышу соседнего дома, то ботинок могло и... — принялся размышлять Шаромыгин.
- На крышу другого соседнего дома? — догадался следователь.
- Молодец.
- Но там много соседних домов.
- Я полагаю, что там много и деревьев. Бульвар все-таки.
- Про деревья я не подумал, — сообразил следователь и быстро убежал.
- Здорово, — оценил опрошолог. — Вы здорово ведете следствие. Вы, случайно, не профессиональный следователь?
- Я случайный профессиональный прохожий, а следователь — так, по случаю. Читаю много.
- Детективные романы?
- Какое там! Нет времени на чтение романов. Весь день в бегах. И читаю я в основном свои показания, которые только что давал. Просят прочесть и подписать, чтоб в дело пошло. А память у меня зрительная: что прочту, навеки запоминаю... Вот то, о чем мы с вами болтаем тут, могу забыть, а написанное — где-то там застревает, — постучал по голове Шаромыгин.
- Но тут снова вбежал взмыленный следователь с ботинком в руке.
- Ботинок поношенный, сорок первый размер, фабрики «Скорород» обнаружен на дереве типа тополь. Теплый еще.
- Ботинок поношенный, — согласился Шаромыгин, — хорошо поношенный. Хорошо нечищенный. Принадлежал опустившемуся, деклассированному хмырю типа люмпен.

- Может, люмпену типа хмырь? — влез в разговор опрошолог.
- Может, — легко согласился Шаромыгин.
- Значит, на заказное убийство не похоже? — сделал предположение следователь.
- Почему не похоже? — улыбнулся Шаромыгин. — А если предположить, что этот ботинок принадлежал убийце?
- Да вы что? — забеспокоился следователь. — У нас убийцы не такие. Кожаные куртки, золотые цепи... Уж если он хорошую мину сумел купить...
- Поэтому должен быть одет в новенькие шикарные штiblеты, так? А он не был одет в шикарные, а он был одет в поношенные... В этом суть загадки.
- Какая суть? Какой загадки?
- С чего вы решили, что мину он покупал? Ему ее просто могли подарить.
- Как это подарить?
- А так... Вот, мол, тебе торт. Надо его отнести по адресу... Могло такое быть?
- Торт?.. Но если мину положить в тортовую коробку, веревочка оборвется. Мина же весит о-го-го, а на коробке написано — один килограмм.
- Значит, он знал, что там мина, и нес торт не за веревочку, а за крепкую проволоку или двумя руками — значит, это заказное убийство.
- Следователь утер пот со лба:
- Пойду искать коробку от торта.
- Ну, вы и гигант, — восхитился человек с микрофоном.
- Доводилось разгадывать загадки и покруче, — важно улыбнулся Шаромыгин, — ловить совсем неуловимых...
- Ловить?
- Ну, не ловить, а нечаянно обнаруживать.
- Расскажите, — опрошолог полез в свою аппаратуру, висевшую на плече.
- Помните, несколько лет назад по городу прокатилась волна изнасилований?
- Этих волн было много. Один псих на школьниц охотился, другой псих — на продавщиц, третий — в лесополосе.
- Нет, нет, та волна была без убийств. И изнасилователей было много. А происходило это ни в коем случае не в лифте, не в подъезде темном, а в парке или в жилых квартирах.
- Помню, помню. В газетах еще называли это «заказные изнасилования».
- Эти слова я в оборот пустил... Я тогда как раз по парку прогуливался и по привычке головой по сторонам вертел.
- И заметили, что под кустами...
- Нет, заметил, как что-то блеснуло.
- Что?
- Это и привело меня к догадке о заказном изнасиловании. Помните старый французский анекдот про публичный дом? Получить секс — десять франков, смотреть на тех, кто — сто франков, смотреть на тех, кто смотрит — тыща франков. Утонченность такая французская... Вот по этому поблескиванию стекла я и сообразил, что кто-то заказывает эти насилия, но чтоб происходили они на местах, видных из какой-то определенной точки, где установлен телескоп... Назовем его телоскоп, через который наш заказчик все и наблюдает... Когда все точки изнасилований были нанесены на карту, то центр наблюдений был легко установлен, а заказчик со своим телоскопом арестован.
- Гениально.
- А все потому что никаких пустяков нельзя упускать. Голова должна быть ими полна. Голова должна быть полна мусора. Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда. Когда б вы знали, из каких уличек у нас большие строятся дела...

Но тут снова прибежал юный мент-следователь с алой тесемкой от торта.

— Во! Тесемочка от торта! Лежала в двух шагах от места взрыва, но кто мог подумать? Это же от мирного торта, а не от военного снаряжения.

— А убитый кто? — задал наводящий вопрос Шаромыгин.

— Это я у вас хотел спросить, — жалобно признался следователь, — кто убитый-то?

— Машина не взорвана?

— Какая машина?

— Ну, какая-нибудь.

— Нет, все машины в целости и сохранности.

— Значит, бронированные. Взрыв-то был о-го-го, как вы говорили.

— Не то что бронированные, но рядом со взрывом их никого не стояло.

— Значит, жертва пешком шла.

— Шла? Значит, это была женщина? .

— Значит, это была жертва. Жертва тоже женского рода, значит, шла, но совсем не значит, что она была женщиной... Судя по всему, жертва была без охраны. А значит, это не банкир, не финансовый воротила, даже не владелец холдинга, а простое должностное лицо без охраны.

— Простое должностное?

— Типа генерального прокурора, судьи, адвоката.

— Генерального прокурора? Да вы что?

— А может быть, это был простой свидетель, который заказчику убийства на суде был бы крайне неудобен.

— Ой, откуда вы все знаете? — следователь снова утер обильный пот со лба.

— Если б я знал... Я не был бы простым прохожим, не стоял бы тут с вами на ветру.

— Но вы так уверенно говорите.

— Я размышляю, я разглагольствую... Но по жертве мы могли бы выйти на заказчика.

— По жертве?

— По интересам. По общим интересам жертвы и заказчика.

— Как это?

— Кто может поднести торт должностному лицу?

— Человек в нечищенных ботинках.

— А в честь чего?

— Может, день рождения?

— Вот вам еще ниточка к вашим шнуркам и тесемочкам. Проверьте, у кого сегодня день рождения.

— Что, всех проверить? — молодой следователь стал искать рукой, за что бы ухватиться, чтобы не упасть.

— Нет, только жителей нашего города, — облегчил ему задачу Шаромыгин.

— Только должностных лиц?

— Нет, всех. Это могло быть и не должностное лицо, а частное. Помните версию о простом свидетеле, который был бы заказчику убийства на суде крайне неудобен?

— Бегу проверять, — отдал честь юный мент и убежал.

— Да вы не прохожий, вы не знаю кто, — продолжал восхищаться опрошолог, — у вас просто-таки аналитический ум.

— А что, у прохожего не может быть ума? У вас превратное представление о нашем брате прохожем.

— Вот вы сказали: о вашем брате — прохожем... В самом деле, это же некое братство.

— Братство против братанов, — сформулировал Шаромыгин.

— Нет, братство не против, а за... С каким-то беспокойством о порядке, о чистоте, о высоком, — из телевизионщика попер пафос.

— О каком еще высоком? Я заметил, как вы поскучнели, когда я рассказывал вам о своем миллиарде вишневого косточек.

— Но заметили! В этом несравнимое достоинство прохожего. Прохожий все замечает.

— Не всякий прохожий.

— А мне всякий и не интересен, — совсем рассупонился телевизионщик, — мне интересны вы.

А тут снова вбежал следователь с рулоном бумаги.

— Во! Все, у кого день рождения сегодня, — оторвал часть рулона, — это те, кто празднует дома. Круглые дни рождения, называемые юбилеями... Это, — оторвал еще кусок, — те, кто отмечает в ресторанах и кафе. Проверено лично. Осталось пятьсот. Что делать?

— Вы прямо Чернышевский какой-то, — пожурил его Шаромыгин, — чуть что — сразу что делать. Думать надо, а не делать.

— Думать... — быстро скис юный мент. — Следователей ноги кормят.

— А руки?

— Руки у нас должны быть чистые, голова холодная... Еще что-то должно быть, нас учили. У человека все должно быть прекрасным: и голова, и руки, и ноги, и анализ мочи.

— Вы прямо Чехов какой-то... Чуть что — сразу все должно быть прекрасным.

— Все должно быть прекрасным... Но где взять это все? Как выбрать себе жертву из этой кучи? — мент потряс остатком рулона. — Такой выбор.

— Женщин много?

— Где?

— В этой куче.

— Штук сто.

— Жаль, что мало. Эти сто штук можно вычеркнуть.

— Почему?

— Жертва — не женщина.

— Вы уверены?

— Женщине достаточно пыльным мешком по голове, а тут мощная мина, как вы утверждаете. Видимо, убийца думал, что у жертвы может быть бронезилет.

— В том-то и дело, что бронезилет на дереве цел и невредим, а то, что было в нем, чье тело он защищал — как корова языком слизала.

— А если это бронезилет убийцы?

— Да вы что? Кто же на убийство в бронезилете ходит? В бронезилете и в стоптанных ботинках! Неувязочка.

— Ой, что мы знаем о современных убийцах?.. Вот представьте себе, несет он торт, но знает, что в коробке мина, а человек он, скажем, близорукий, подслеповатый, об ухабинку может споткнуться — и все может взорваться прямо в руках... Вот он и надевает на крайний случай в целях безопасности бронезилет.

— Который от взрыва слетает на дерево.

— Плохо завязал, что ли? Сдуло? — уточнил телевизионщик.

— Такой взрыв был, что убийцу вместе с бронезилетом сдуло, — обнадежил мент.

— Хорошенькое дельце. Человек получает аванс, честно выполняет работу, а его на дерево...

— Его на дерево, — следователь с догадкой убежал.

— Это что, убийцу обули, что ли? — задал навоящий вопрос опрошолог. — Как вы выражаетесь.

— Что мы знаем о современных убийцах? — грустно развел руками Шаромыгин.

— Вы это уже говорили.

— Я не говорю, я размышляю. Мне нравится моя догадка, что убийца плохо видит. Или видел. Тогда понятно, почему у него ботинки нечищены... Искать надо очки.

И снова прибежал молодой мент:

— На дереве найдены очки.

— Ну вот, что я вам говорил... Со стеклами?

— Естественно. Кто же очки без стекол носит?

— Очки близорукие или дальнозоркие? — поинтересовался Шаромыгин.

Все по очереди стали примерять на себя очки.

— Дальнозоркие, — определил мент.

— Значит, вы ошиблись? — спросил телевизионщик.

— Значит, очки не убийцы, а жертвы. — холодно произнес Шаромыгин. — Дальнозоркость больше свойственна людям пожилым — вот вам еще полрулона долой... Выделите из этой кучи пожилых людей и уточните их зрение.

— Слушаюсь, — только и проговорил следователь, убегая.

— Да вы просто бог! — восхищался телевизионщик. — Буквально творец. Человека взрывом разорвало на молекулы, а вы собираете эти молекулы и восстанавливаете его обратно.

— К сожалению, я не бог. Если человека угробили, воскресить его я не могу.

— Но восстановить по молекулам в целое — тут вам не химия какая-нибудь, тут творчество высокого полета.

Тут снова прибежал молодой мент:

— Круг сужается! Пожилых в этом списке совсем немного. Женщин, как пыльным мешком ударенных, я заранее вычеркнул... Об остальных докладываю... Прокурор города, тут вы были правы, но он жив — только что интересовался следствием. Дальше — адвокат Зевако, но он в командировке, значит, тоже отпадает... Есть начальник следственного отдела управления внутренних дел, но он сам под следствием. Еще подходящих полсотни. Но по очкам лидируют трое. Один совпадает по диоптриям, другой — по межглазным центрам, а третий совсем, — милиционер покрутил пальцем у виска, — совсем плохо видит — признал эти очки своими.

— Но жертва-то, извините, кажется, уже не жива. Как же так? — влез опрошолог.

— Да, хорошо бы выделить из всех этих очконосителей тех, кого уже не существует.

— Выделим! — бодро крикнул юный мент и убежал выделять.

— У меня все-таки ощущение, что вы Шерлок Холмс, — не находил слов от восторга телевизионщик, — по крайней мере, министр нынешних внутренних дел.

— Ну что вы, что вы, я простой прохожий, — скромно потупился Шаромыгин.

— Нет, вы не простой прохожий.

— Значит, я могу надеяться?

— На что надеяться?

— Значит, я могу там по вашему рейтингу претендовать на лучшего?

— На лучшего прохожего?

— А на что я еще могу претендовать? Только на лучшего прохожего мимо.

— Но лучшего прохожего всех времен...

— И народов?

— Всех времен и тротуаров.

— Ой, мне это так льстит... Ведь прохожий — это такое неуважаемое занятие. Я вот читал про одну женщину, у которой было десять детей и все от прохожих. Но женщина сейчас мать-героиня, а прохожих этих — тьфу — так никто и не знает. Безвестные герои.

— Вы тут намекнули, что прохожего ноги кормят. Вы сколько получаете за свои показания?

— Я? Получаю? Да еще намекнул?.. Скажете тоже... Что я получаю. Только угрозы со стороны потерпевших да благодарности от командования, а деньгами — что вы?

— Будем считать, что у вас шанс появился.

— Какой еще шанс? Не смешите.

— Получить не угрозы и благодарности, а нечто реальное. Приз! Статуэтку!

— Ну, буду ходить по улицам с вашей золоченой статуэткой. Да бояться, что отнимут еще.

— Статуэтка — это символ. Главное — премия.

— Ой.

Но тут снова прибежал молодой следователь и стал радостно размахивать клочком, который остался от целого рулона.

— Померло тридцать человек!

— А чему вы радуетесь?

— Сокращению списка. Смотрите, этот рулон постепенно благодаря вашему интенсивному мыслительному процессу превращается в шагреновый клоч.

— Да, в чем-то благодаря мыслительному... — стал наливаясь важностью Шаромыгин.

— Из этих тридцати половина умерла не сегодня — уже хорошо. Подтверждено документами. Оставшаяся половина, — мент оторвал половину клочка, — отыскивается.

— Это у вас сыск называется или розыск?

— Не сыск, не розыск, а отыск, — уточнил следователь, — потому что причастность к преступлению не выяснена. Вот один артист чечеточного жанра сейчас в гастролях за рубежом. Вот уж кто под подозрением!

— Почему?

— Ботинки профессионально стоптаны.

— Стоптаны, но чищены. Кто же на сцену в нечищенных ботинках полезет?

— Об этом я не подумал, — опять признался мент.

— Кто еще?

— Работник почты. В отпуске.

— Вот этого надо взять на заметку.

— Почему?

— Я тут в больнице лежал, — стал напрягать память Шаромыгин, — а у меня в палате еще один был. К нему жена часто навевдалась. Слово за слово я уточнил, что он мясником на рынке работает. Ударником мясного труда. Ну, с топором то есть. А она на почте. Втихаря письма читает. Не все, конечно, а только те, что в прокуратуру направляются. И все мясные письма своему мужу таскает, чтобы он знал обстановку на мясном фронте и знал, откуда подвоха ждать. Но в тот день жена, как назло, не апельсины мужу в больницу принесла, как обычно, а селедку купила. Так как муж любил селедкой закусить. А селедка эта — тоже как назло — была не первой свежести и своим ржавым соком залила все мясные письма в прокуратуру. Чем лишила соседа-мясника притока знаний. Вспыхнул конфликт, перерос в драку. Жена оборонялась ржавой селедкой и нанесла мужу хвостом... Не своим, конечно, а селедочным... Короче, селедка вместо закуски била его по морде, чем приводила

его в неопишемую ярость, да так, что он в пылу драки с койки свалился. С большим грохотом. Потому что лежал с загипсованной ногой, висевшей на гире. А грохот от гипса и от гири сами знаете какой. Вбежала больничная публика, но большой мясник продолжал гудеть. Справиться с ним было невозможно, вызвали полицию. В связи с тем, что мясник этот по причине загипсованной ноги был невыездным, пришлось устраивать выездное заседание суда в больнице. А в больнице свободных помещений, как назло, в тот день не оказалось — пришлось проводить суд в клизменной. Комната такая специальная есть. Вот этот мясник в ней свое и получил. Так сказать, заряд бодрости на пятнадцать суток... А меня вызывали для дачи показаний. Как прохожего. Но прохожим в тот раз я был в переносном смысле: меня на заседание суда в носилках принесли. Вместе с моими показаниями.

— Так вы полагаете, что и этот работник почты тоже письма в прокуратуру почитывает? Или почитывал?

— А почему нет? Я сказал только, что он подозрителен и его надо в поле зрения держать.

— В каком поле, когда он в отпуске и неизвестно где?

— Просто не вычеркивайте его из вашего шагренового списка.

— Это другое дело.

— Еще кто у вас там?

— Вышибала из ресторана.

— Есть такая профессия?

— Пойдите, пойдите. Вышибала вышибалой, но смотря из какого ресторана... Я знавал одного вышибалу из вагона-ресторана. Он за один рейс Москва—Петербург повыкидывал из вагона до десятка пьющих.

— Это как повыкидывал? Из ресторана, что ли?

— Да нет, из вагона. Люди, конечно, живы остались — пьяному что делается? Он неистребим даже в полете на насыпь. Но живые, отрезвев, подали на вышибалу в суд.

— О чем это говорит? — поинтересовался телевизионщик.

— Тот, кто способен выкинуть пьяного из вагона, может и торт с миной в подарок... — солидно произнес Шаромыгин.

— Мы тут список жертв разбираем, а не список подозреваемых, — виновато напомнил мент.

— Ах да... — сообразил Шаромыгин. — Но живые, отрезвев, могли бы не подавать на вышибалу в суд, а мстить. С помощью того же торта с миной.

— Логично, — согласился телевизионщик.

— Значит, вышибалу тоже не вычеркивать из списка? — спросил мент.

— Значит. Еще есть?

— Двое работают на ликеро-водочном заводе хроническими передовиками производства и сейчас в вечерней смене.

— На вашем месте я бы сходил на ликеро-водочный завод и проверил, — посоветовал Шаромыгин.

— Почему вы так считаете?

— Ботинки могут быть стоптанными.

— Тогда ликеро-водочный надо крепко проверить, — твердо решил следователь и пошел крепко проверять.

Но тут вдруг Шаромыгин посмотрел на часы и хлопнул себя по лбу:

— Чуть не забыл. Мне же надо тут рядом на минутку в суд заскочить.

— Что, тоже показания? — полюбопытствовал опрошолог.

— Точнее говоря, противопоказания, — ушел от ответа Шаромыгин, — просто нужна справка, что у меня нет судимостей.

— Зачем вам такая справка? — не понял человек с микрофоном.

— Ой, знаете... Я столько по судам таскаюсь, столько вызовов в суд приходит, столько из судов звонят, что на работе на это уже смотрят с подозрением... Вы еще постоите тут в ожидании следующих прохожих, а я пока сбегаяю. На минутку буквально.

Но только Шаромыгин отошел, как тут же примчался юный следователь с парой ботинок в руке.

— Его размер, его!

— Кого? — не понял телевизионщик.

— А где мой первоисточник информации? — хватился следователь.

— Он у вас не столько источник, сколько аналитический центр, — заметил микрофонщик.

— Ну и где он, этот центр?

— Отошел на минутку за справкой. А что это у вас за обувка?

— Эта обувь одного из хронических передовиков ликеро-водочного завода, который сегодня на работу не явился.

— Откуда тогда ботинки?

— Пришлось к нему домой наведаться.

— Его и дома нет?

— Только ботинки... Но тоже стоптанные, тоже нечищенные, а главное — тот же размер, что нашли на дереве. Больше того, на заводе удалось выяснить, что этот хронический передовик на почве хронического передовизма имел психические недостатки.

— Какие такие психические недостатки?

— Склонность к покончить с собой.

— На почве хронического? — уточнил телевизионщик.

— На почве.

— О чем это говорит?

— Вот я и хотел узнать у моего аналитического центра... Куда он запропастился?

— Отлучился на минутку за справкой. Тут, за углом, в суд.

— В суд? — принял к сведению следователь и побежал а суд.

Телевизионщик достал блокнот и стал что-то записывать:

— Во попал... Всего только вышел на поиски прохожего, через которого произошла утечка информации, так сказать, в поисках алмаза, а считай, что тут же наткнулся на него. Это не прохожий, а самородок. Такие самородки на улице не валяются. А ходят. Потому и называются прохожими. Казалось бы, тьфу — прошел мимо, и с концами, а в сумме получается, в самом деле, нобелевский лауреат улицы, герой переулка и маэстро тупика.

Мент со старыми ботинками вернулся назад:

— Не появлялся?

— Нет.

— Я обежал все кабинеты суда — его нигде нет. Куда подевался?

— Может, опять вляпался в какое-нибудь происшествие и дает показания в качестве очевидца-прохожего?

— Вы только что произнесли здесь какие-то слова про героя тупика. Это о чем?

— Да вот предполагаем найти и наградить лучшего прохожего.

— Что, героя давать за это?

— Ну, не совсем героя, но премию — да.

— И что, предполагаете вручить ее моему передвижному аналитическому центру?

- Да, есть такое намерение.
- А уж как мне без него невмоготу...
- Так идемте вместе в суд, поищем его там.
- Я искал во всех кабинетах...
- А в зале суда?
- Почему в зале суда?
- А где же ему еще давать показания?
- Об этом я как-то не подумал... — привычно признался следователь и отправился вместе с телевизионщиком в суд.

Но Шаромыгина они нашли уже за железной тюремной решеткой.

- Ну и дела, — удивился мент.
- Что это вы здесь делаете? — не понял телевизионщик.
- Да вот... — Шаромыгин выглядел потерянным. — Зашел на минутку за справкой к секретарю суда, а она по телефону с кем-то очень интимно... Чтобы от меня отвязаться как от нежелательного прислушителя, на минутку отвлеклась, чтоб спросить, чего я хочу... Я сказал, мол, нужна справка, что у меня нет судимости... Запишите вашу фамилию где-нибудь на столе там, а я через полчаса освобожусь и вам ее выдам... Ну, я и записал где-то там... А в этот момент другая девушка вошла и взяла папку, на которой я свою фамилию написал... Оказалось, за стеной суд шел, и эта папка там понадобилась. А поскольку я там свою фамилию написал, меня вызвали... Ну вот.
- Что ну вот?
- Зашел на минутку получить справку, что у меня нет судимости, а получил десять лет.
- За что?
- Та папка, на которой я свою фамилию написал, была с такой горой преступлений, что тянула на высшую меру. Так что десять лет строгого режима — это, считайте, мне повезло.
- А мне, считайте, не повезло. Я же без вас как без рук.
- А что там у вас в руках? — спросил Шаромыгин.
- Ботинки хронического с ликеро-водочного... Тоже стоптанные, тоже нечищенные и тоже тот же размер, что нашли на дереве.
- Типа тополь? — вспомнил Шаромыгин.
- Типа... Больше того, собака определила, что и запах тот же. Больше того, на заводе удалось выяснить, что этот ботинконоситель имел на почве хронического передовизма психические недостатки в виде склонности покончить с собой.
- Замечательно! Значит, кто-то воспользовался тем, что он хочет покончить с собой, вручил ему торт с миной и...
- Но он же у нас из списка жертв, — с тоской в голосе пропел мент.
- Уй-е, а так все хорошо складывалось. Одно к другому. Но идея самоубийцы-камикадзе очень хороша.
- Что за идея? — насторожился телевизионщик.
- Кто-то связанный с психическими отклоненцами предлагает им не просто покончить лично с собой, а прихватить в момент свершения самоубийства еще кого-нибудь на тот свет. По желанию и на деньги заказчика. — Шаромыгин был великолепен, когда произносил эту сентенцию.

- А что дает нам эта идея? — не совсем понял следователь.
 - Нужно прокачать всех людей с психическими отклонениями.
 - Что, все психдома? — мент привычно получил невыполнимую задачу.
 - Не только. В психдомах сидят официальные психи, профессиональные ненормальные, а сколько таких ненормальных ходит среди нас?
 - И что, всех надо качать?
 - Нет, только тех, кто зарегистрирован в психдиспансерах.
- На сей раз молодой следователь не убежал, как обычно, а ушел. Медленно и недовольно.
- Ну, вы и прохожий, — покачал головой телевизионщик.
 - Что, не соответствую вашему аршину? — насторожился Шаромыгин.
 - Какому аршину?
 - Ну, тому аршину, которым вы мерите своих прохожих. Или, как он называется по-нынешнему, рейтинг?
 - У меня этих прохожих вы один.
 - Даже сравнить не с кем?
 - Все прохожие приходят и уходят, а вы останетесь навечно.
 - Не навечно, а на десять лет, — вспомнил приговор Шаромыгин.
 - Но как же? Вы что, не можете подать кассационную жалобу? Это же какая-то кошмарная ошибка.
 - Это судьба. А на судьбу кассационную жалобу не подают.
- Появился степенный милиционер с рулоном другого цвета.
- Во, сколько ненормальных у нас в стране! Но что мне с ними делать?
 - Как всегда — отделить живых от мертвых.
- Мент решительно оторвал кусок рулона.
- Это что, живые? — спросил Шаромыгин.
 - Нет, живые вон в том рулоне. А здесь те, кто покончил с собой.
 - Давно?
 - Понял, — мент оторвал еще клочок. — Это самые свежие самоубийцы.
 - Вижу, немного...
 - Всего трое, — развел руками мент.
 - Откуда они? — спросил Шаромыгин.
 - Самое смешное — все трое из одного диспансера.
 - А что я вам говорил?
 - Что вы мне говорили?
 - Вам ясно, где искать организатора самоубийств?
 - Но заказчик...
 - У организатора самоубийств — скорей всего, кого-то из медперсонала психдиспансера — вы узнаете заказчика.
 - Ой, что бы я без вас делал... — воскликнул молодой следователь и убежал в предвкушении триумфа.
 - Ваш знакомый полицейский утверждает, что без вас у него все идет мимо, — льстиво произнес телевизионщик.
 - Такое наше прохожее дело — проходить мимо, — скромно улыбнулся Шаромыгин.
 - Но я мимо вашего дурацкого заключения за решетку не пройду. — решительно заявил телевизионщик. — Я буду бороться за ваше освобождение из застенков.
 - На это у вас уйдет десять лет, — печально развел руками Шаромыгин.
 - Нет, вы получите звание типа нобелевского лауреата, и вас освободят немедленно.
 - Ой, откуда я получу звание нобелевского лауреата?

- Типа нобелевского...
- Ну, типа.
- От меня.
- Вы что, Нобель или типа Нобель?
- Но премия, которую вы получите, будет на уровне Нобеля, на уровне Оскара, Грэмми, ники, овации, триумфа.
- С вручением денег? — быстро поинтересовался Шаромыгин.
- С вручением денег.
- Откуда у вас такие деньги? — недоверчиво и криво усмехнулся будущий лауреат.
- Но тут снова прибежал наш любимый следователь. Он услышал последние слова о «таких деньгах» и повторил их, как эхо.
- Откуда у вас такие деньги?.. Какие такие деньги, о чем речь?
- Это длинная история, которую можно было бы назвать «Самоубийство с целью личной наживы», — начал эпически телевизионщик.
- Это еще что за парадокс? — не поверил следователь. — Разве такое может быть?
- В самом деле, какой смысл? Расскажите, — попросил Шаромыгин.
- Был у меня приятель, — начал телевизионщик, — не столько даже приятель, сколько сосед. Не столько даже сосед, а так — малый один. По фамилии... Называть фамилию не буду, назову только первую букву Ч.
- Это что, типа Че Гевары? — оживился милиционер.
- Просто Ч, — охладил его пыл телевизионщик, — фамилия у него была Чайников-Чудаков, но он был не чайник и не чудак, а так — шланг.
- А что значит шланг?
- Как вам объяснить?.. Шланг — это змея, но без головы.
- Он что, был без головы?
- Без головы бывают только всадники.
- Вы же сами только что сказали: шланг — это змея, но без головы.
- Голова-то у него была, но по сравнению со змеей он был не такой умный, хотя идеи у него порой были — ой. Зашел он однажды ко мне с компьютером повозиться: так, в картишки с ним перекинуться, в глупость какую-то сыграть... И вдруг потянуло его в Интернет. Стал вдруг заключать какие-то пари чуть ли не со всем светом.
- Какие еще пари?
- Что покончит с собой и станет богатым.
- Чушь какая-то... Как он может стать богатым, когда покончит с собой?
- А вот заключал такие пари...
- И что?
- И выиграл!
- В каком смысле?
- Покончил с собой.
- Не пойму.
- Покончил с собой с целью личного обогащения.
- Но какое тут может быть обогащение?
- Адвокаты, нанятые им загодя, выкачали деньги из проигравших, а поскольку спорил он на весь мир, то и сумма набралась в результате — о-го-го.
- У него, может быть, наследники были?
- Не было.
- Но кому нужно это о-го-го, эта сумма, если ваш Ч умер?
- Вы же сами сказали: парадокс...
- Мало ли что я сказал... — растерялся мент.

— И вот мы с адвокатами, — торжественно заявил телевизионщик, — открыли фонд Ч и решили каждый год выбирать лучшего Ч с присуждением премии Ч.

— Это что, соревнование шлангов? — заморгал мент.

— Хотите подбросить ложку дегтя в бочку меда? — обиделся телевизионщик.

— Я что-то не просек?

— В этом году мы решили выбрать лучшего прохожего.

— Класс! Так вот что вы имели в виду, когда говорили о нобелевском прохожем?

— Жаль только, что этот нобелевский прохожий сейчас не может быть прохожим, а сидит за решеткой.

— Так это он? — допер следователь. — Я свой голос тоже за него отдам... Я не нашел ни убийцу, ни жертву, но я обнаружил заказчика. Это такой класс! Такого класса у нас еще никто не показывал! А вы, случайно, не собираетесь проводить конкурс по выявлению лучшей розыскной собаки?

— Собаки? — не понял телевизионщик.

— Ну, кобеля, — уточнил милиционер.

— Я об этом подумую.

— Тут и думать нечего.

— Как это нечего, когда вы не нашли ни убийцу, ни жертву?

— Об этом я не подумал... Получается, что мое следствие тоже прошло мимо? Хорошее название для пьесы, а? «Следствие идет мимо».

— Мало ли кто у нас мимо ходит... И все мимо и мимо.

— Нет, сейчас же пойду организовывать демонстрацию за ваше освобождение.

— Вот! Это то, что надо! Бежим срочно собирать народ.

— Какой народ?

— Как какой? Прохожих!

— Демонстрация прохожих... Красиво звучит.

— Всех прохожих научим ходить в ногу...

— Да еще с транспарантами...

— «Прохожему нечего делать в тюрьме!»

— Нет, лучше: «Свободу прохожему!»

Телевизионщик и следователь с высоко поднятыми ротфронтскими кулаками пошли по улице...

Перед Авдеем Баклушиным и Тюлей Выскребенцевой остался один Шаромыгин.

— И это что, все с вами произошло? — поразилась Тюля.

— Такая у нас, у прохожих, жизнь, — развел руками Шаромыгин.

— Вот ведь как жизнь поворачивается... — принялся размышлять Авдей вслух. — Идешь вроде мимо, а попадаешь в самую точку. А попрешь напролом к цели — промажешь мимо цели. Всюду парадоксы. Вот, к примеру, что такое ум? Ум для человека является мерилом глупости. Как бы рейтинг. Умен человек — стало быть, ему общедоступной глупости, простоватости недостает. А глуп человек чересчур — что-то у него с умом. Как все устроено: смотря как смотреть... Есть такое выражение: мыслью — значит существую... А что значит мыслью? Мыслью — это значит молчу. Молчание — это мысль изнутри. А где лучше всего молчать? В уединении, следовательно, в одиночестве, следовательно, в тюремном заключении... Значит, и надо говорить: я мыслью — следовательно, существую в тюрьме...

— Ну, от тюрьмы-то мне удалось отмотаться, — махнул рукой Шаромыгин, — ошибка, слава богу, всплыла вовремя, и меня отпустили.

— А эти, которые марш прохожих затеяли?

— Они даже песню сочинили и дали мне слова списать. Могу спеть.
И Шаромыгин запел.

Раньше звали «вперед» и не только солдат
И кричали при этом на славу,
А теперь не зовут ни вперед, ни назад,
И ни с левой ноги, и ни с правой.
Я прохожий теперь, мимо вас прохожу.
Я мелькну мимо вас на мгновенье.
Я тут часто по делу, без дела хожу
И мелькаю, как часть населенья.
Мы прохожие все. Все мы мимо идем.
Мы шагаем и даже не знаем,
Что шажком иль бегом, бочком иль гуськом,
А мелькаем, мелькаем, мелькаем.
Мы, как кильки, мелькаем всегда косяком.
Без прохожих вам непроходимо.
На ходу мы мечтаем о чем-то своем —
И все мимо, все мимо и мимо.

Когда Авдей и Тюля возвращались домой, им стало грустно. То есть на философствование потянуло.

— Это только на улицах мы прохожие, а в магазинах-то мы покупатели, в автобусах — пассажиры, а в театре — зрители. Мы появляемся и исчезаем, не оставаясь в памяти людей. Мы мелькаем за окнами, проходим мимо. Часто нас видят по одним ногам, когда идут задумавшись... По одним головам — когда сидят за нами в партере... По одним рукам — когда мы покупаем в кассе билет на поезд, на самолет, в театр... Но именно про нас говорят — лучший в мире зритель. Так, может быть, не совсем уж мы такие никуда не годные? Может, среди нас находится гениальный ответственный квартирьер? Или выдающийся покупатель?.. Или очень талантливый пассажир?.. Феноменальный посетитель и знаменитая домашняя хозяйка?.. Легендарный первый встречный и замечательный сосед?.. Великий клиент и лучший прохожий всех времен и тротуаров?.. Ведь никто не оценивает нас по этим неброским, непримелькавшимся рукам-ногам-головам...

— Нет, ну ты гляди, что из человека повылезало всего за месяц! Готовился стать простым прохожим-очевидцем, а вырос до нобелевского лауреата улицы!

— А мне многое не понравилось, — сморщила нос Тюля, — как говорил Станиславский, не верю, не хочется верить. Особенно неправдоподобно он полицией руководит, а полиция неправдоподобно быстро следствие проводит. Белыми нитками вся эта история шита. Даже не белыми, а желтыми...

Как раз в этот момент проходили они возле редакции желтой газеты «Мир на ушах» и решили заглянуть к Оскоминой.

— О, Авдейка! — сразу признала его Нюня. — Глянь на обложечку! Шик-материалец! «Маэстро тупика, герой переулка, нобелевский лауреат улицы Ш. Ромыгин находит убийцу-казачика».

Авдей и Тюля тупо уставились на обложку: портрет вроде бы Шаромыгина, а фамилия не его почему-то.

— Он на самом деле Шаромыгин, но кто станет помещать на обложку такую фамилию, — пояснила Оскоминая, — пришлось сделать его Ромыгиным, а первую букву выдать за имя.

— Но он не Ш вообще, а Вася.

— А читателя это не кольшет. Завтра его и так все забудут, но важно, чтобы газету купили сегодня.

Авдей и Тюля погрузились в описание шаромыгинских подвигов и с удивлением ловили себя на том, что все слова им уже знакомы и только недавно были произнесены самим Шаромыгиным.

— Он что, сам этот материал вам принес? — спросил Авдей.

— Да, отпечатанный на компьютере и в двух экземплярах.

Авдей и Тюля переглянулись.

— Вас что-то не устраивает? — поинтересовалась Оскомина.

— Нет, все правильно, — ответил Авдей, — он нам все это своими словами только что рассказывал.

— Так вы его знаете?

— Мы вместе обучаемся этому прохожему ремеслу.

А вечером по телевизору в «Максимальных сенсациях» они опять встретились с Шаромыгиным, названным теперь Шармановым, но уже Василием. Вела передачу Ольга Мыльнева, а не тот телевизионщик, который его расспрашивал на улице. Но слова, которые произносил Шаромыгин, были те же! Авдей готов был отдать голову на отсечение!

— О чем это говорит? — любопытствовала Тюля.

— Что он и на телевидение принес этот текст в двух экземплярах, — предположил Авдей.

— Напечатанный на компьютере, — добавила Тюля.

— Которого у него нет, — холодно произнес Баклушин, — мы пока обучались вместе, он мне многое успел рассказать о своей жизни.

— Может, он напечатал это на чужом компьютере?

— Он печатать не умеет.

— Попросил, чтобы напечатали с его черновика?

— Все может быть, но у меня легкое подозрение, что эти тексты ему дали, написали, напечатали, — стал заводится Авдей.

— Почему ты так думаешь?

— Помнишь экземпляры, которые были у Оскоминой? Они были напечатаны на обратной стороне каких-то бланков.

— Сегодня многие так черновики печатают, чтобы не расходовать хорошую бумагу.

— Я же сказал: подозрение...

Когда Баклушин вернулся домой, его уже встречала Клёпа Колдобина.

— К тебе приходили с телевидения. Ты что, теперь у них на подхвате?

— Кто приходил-то?

— Что-то насчет прохожего... Они разыскивают какого-то прохожего... Ты что, теперь у нас в прохожие подался?.. Вот телефончик оставили, — и Клёпа протянула привычный клочок газетенки.

Но позвонить Баклушину не довелось. Только он вошел в квартиру, телефон зазвонил первым.

— Авдей, — напористо произнесла трубка голосом Оскоминой, — нашелся твой Тютелько! Он сидит в тюрьме. Давай его срочно проведаем.

— Ты-то откуда о нем знаешь? Мы же с Выскребенцевой его разыскивали.

— Ты забыл мою подругу Клёпу, а она всегда в курсе всего.

— За что сидит?

- Фальшивомонетчик. Деньги на принтере печатал.
- Где сидит?
- В Матросской Тишине.
- Ух ты! — ухнул Авдей. — Как большой государственный преступник!
- Завтра срок у него заканчивается, и мне хотелось бы первой взять у него интервью.

Назавтра Баклушин с Оскоминой пришли к тюрьме в десять утра.

У выхода из тюрьмы стояло несколько дорогих иномарок. Ну, белый «мерседес» Савеловского Авдей сразу признал, Павелецкого он разглядел через окна «лендровера», а кто был третьим, оставалось неясным. Но понятно было, что Тютелько был нарасхват. В чем причина? Спрос на фальшивомонетчика? Или на самосгорающие деньги?

Оскомина решила обойти конкурентов и пошла, что называется, напролом. Прямо в тюрьму.

Но и вышла очень скоро. Весьма озадаченной.

- Что? — спросил Авдей.
- Сбежал.
- Как сбежал?
- За день до выхода из тюрьмы.
- Теперь же ему новый срок дадут, если поймают. Дурак, не мог одного дня потерпеть?
- О чем это говорит?
- Что он слишком много знал или слишком много значит для кого-то.
- Для кого?
- Ну, для Савеловского и Павелецкого — это точно. Вон они в машинах его ждут.
- А кто третий?
- Не знаю.
- Во попали, Авдюша.

Дома Авдей, Тюля, Оскоминая и Колдобина собрались на совет.

- Я ничего не понимаю, — в сердцах заявил Авдей.
- Как будто мы понимаем что-то, — хором ответили женщины.
- Я перечислю вам все непонятки последнего времени, — Баклушин стал загибать пальцы, — и труп Микстуры оказался не тем, подделкой. И балбес Шаромыгин явно поет под чужую дудку, но чью? А теперь и Тютелько убегает из тюрьмы за день до освобождения!.. Теперь я начинаю понимать Понюшкина. Теперь и я близок к тому, чтобы спрыгнуть с Крымского моста.

А тут вдруг стук в дверь, хотя на двери есть звонок.

— Кого еще несет? — резко поднялась Клёпа Колдобина.

Оказалось, что принесло Ньюрова и Всячину из фирмы в сопровождении курсанта Дофонарева.

— О, у вас тут девишник! — расплылся в улыбке Ньюров. — А у нас наметилась прекрасная цепочка, где очень нужно ваше участие. Чудные девушки! — Александр Давыдович стал их старательно и пристально разглядывать. — Вот вы очень милая, очаровательная, — оценил он Тюлю, — а вы очень живая, энергичная, — улыбнулся Ньюне, а напоследок повернулся к Клёпе: — А вы ухватистая, кровь с молоком... Для всех вас есть хорошие роли... К Поповым пойдете вы, — он выбрал Оскомину, — как вас зовут?

- Анна, — ответила Нюня.
- Вот вам текст, который надо выучить.
- Что, наизусть? — ахнула Нюня от одного только вида пачки текста.
- Необязательно наизусть. Можете импровизировать в рамках роли.
- Так это что, сериал? — глаза Оскоминой вспыхнули.
- Это вы очень точно заметили — сериал.
- А что я с этого буду иметь? — полюбопытствовала Нюня. — Так сказать, где контракт, где договор?
- Контракт чуть позже, — обнадежил Нюров, — у нас пока кастинг, подбор актеров, пробы, пока репетиции! Потерпите.
- А мы? — нетерпеливо бросила Клёпа.
- И вы, и вы, и вы... Вы все будете заняты, но об этом чуть позже.
- И Дофонарев? — осторожно поинтересовался Баклушин.
- Дофонарев — наш сценарист. Это именно он выдумал и расписал всю эту историю про Поповых.

— Здравствуйте, я Верунчик Попова, — представилась симпатичная женщина средних лет в симпатичной квартире среднего достатка, — меня тут задержали ни за что. Я, видите ли, на какой-то словесный портрет похожа. Алебастровой называют, Подотригорой, Кацынской с добавлением «она же». Она же Подотригора, она же Кацынская, она же Хабибулина... Я что, похожа на Хабибулину? На ту же Подотригору? Она же... на ту же Кацынскую? Я как была Верунчик Попова, так ею навечно и останусь... Хотя нет, не навечно. У меня и девичья фамилия была другая, да и тут эта история...

Прихожу я домой с покупками, открываю дверь ключом и чуть в обморок не падаю. Посреди квартиры преспокойно сидит миловидная на первый взгляд женщина с узлами и большим чемоданом.

- Вы кто? — только и смогла я выговорить от удивления.
- Я Попова, — ответила Нюня Оскомина, одетая под приезжую.
- К-как Попова? — делает большие глаза Верунчик.
- Так Попова, — спокойно говорит Нюня, — жена научного работника Феди Попова.
- П-простите, — чуть не задохнулась от обиды Верунчик, — это я жена н-научного работника Федора Попова.
- Ничего удивительного, — цинично усмехнулась Нюня, — он у вас в командировки ездит? Я думаю, что сегодня нас, жен Феди Попова, как раньше детей лейтенанта Шмидта, в каждом городе...

- Как вы попали в квартиру? — перебила гостью хозяйка.
- Он дал мне ключ.
- К-как?

Попова заломила руки и горячо заговорила себе:

— В один миг вдруг открылось мне истинное лицо моего мужа, научного работника, жалкого донжуанишки, альфочки и синей бороденки. Это был момент истины... Всю жизнь я носилась с ним, как с Анатолием Курагиным из «Войны и мира», боготворила, как Вронского, а он... отдает ключ от нашего общего дома случайной женщине и гонит таким образом меня прочь, как в мексиканских фильмах... Ну нет, так просто я не сдамся, я буду бороться...

Попова решительно подошла к узлам непрошеной гостьи и стала один за другим выбрасывать их за дверь.

- Что вы делаете? Как вы смеете? — засуетилась фальшивая Попова-Оскомина.

Но Верунчик вслед за узлами и чемоданом вытолкала и ее.

— Я буду жаловаться! — кричала Попова-Оскомина из-за двери. — Я полицию позову! Хулиганство!

Попова снова заломила руки:

— Однако я ничего уже не слышала, я рыдала, лежа ничком на тахте... Коварный обольститель, гнусный соблазнитель! Нет, с ним я больше не смогу жить под одной крышей, я уйду к маме. Я встала, вытерла слезы и стала собираться. Первым делом, конечно, надо забрать свои любимые книги...

— Позвольте и мне, позвольте... — приоткрылась форточка, в которой показалось лицо Баклушина, — я тот самый научный работник Федор Попов... Вы не даете мне слова сказать, а я-то тем временем поднимался пешком на свой девятый этаж. Опять барахлил лифт, но даже этот изнурительный подъем я старался использовать для своего физического совершенствования. Я, как человек, перегруженный научной работой, не имею возможности уделять специальное время на бег трусцой или утреннюю зарядку... Возле девятого этажа я встретил незнакомую женщину, таскавшую какие-то узлы в лифт.

— На дачу переезжаете? — участливо спросил я.

— На дачу, — послышался из-за двери голос Поповой-Оскоминой.

— Позвольте, я вам помогу!.. И я отнес в лифт тяжелый чемодан... Женщина закрыла дверцы и поехала вниз... А я, приятно утомленный физическим упражнением с чемоданом, пошел к своим дверям.

— Тем временем, — прервала мужа Верунчик, — я быстро связала книги стопочками и подошла к шкафу, чтобы взять платья. Открыла дверцу и... схватилась за сердце. Шкаф был пуст... Новый момент истины буквально ошарашил меня: никакой второй жены Феде Попова не было!

— И быть не могло! — сказал Федя за дверью.

— Была просто-напросто дерзкая аферистка! Она подобрала ключ, пробралась в квартиру, связала в узлы наши вещи, а я... еще помогла ей эти узлы вынести. Мамочка... Особенно тяжелым был чемодан. Интересно, что она могла туда положить? Я оглядела квартиру: не было хрустальной вазы, телевизора жидкокристаллического...

— А в это время в прихожей раздался звонок, — напомнил из-за двери муж, — это был я.

— Неужели муж? Екнуло мое сердце, — опять заломила руки Верунчик, — неужели этот благородный непонятый Чайльд Гарольд, этот немолодой уже Вертер?

— В самом деле, это был я, — сказал Федя Попов и вошел.

— Я встретила его слезами. Слов у меня не было. Я молча показала ему на пустой шкаф.

— Поначалу я ничего не понимал.

— Потом, когда я сумела через силу рассказать об аферистке, он побледнел.

— Да, я побледнел. В одном из унесенных пиджаков у меня хранилась энная сумма. И ты сама помогла вынести ей узлы? Боже! — тоже начинает заламывать руки, но уже себе. — Я тут же вспомнил ту миловидную женщину у лифта, вспомнил тяжесть чемодана и мысленно что было силы хлопнул себя по лбу: какой же я был ду... наивный... Впрочем, откуда я мог знать?..Вдруг я заметил стопки с книгами: она что, и книги хотела взять?

— Нет, книги — это я, — отмахнулась Верунчик.

— Я растерялся. Я снова ничего не понимал. Так вы что, в сговоре?

— Что ты, что ты... Это когда я узнала, что ты завел себе другую, я решила уехать к маме.

— И стала собирать книги? — чуть не закричал муж.

— А что тут такого?

— Дело в том, что в англо-русском словаре у меня тоже хранилась энная сумма... Потому я и забеспокоился! Нет, надо срочно сообщить в правоохранительные органы.

— Думаю, что полиции ее уже не догнать. Посмотри на часы.

— А где они?

— Как, она и часы?

В дверь осторожно постучали.

— Простите, я лейтенант полиции Кувшинников, — появился полицейский, отдал честь и стал зачитывать по бумажке, — я по вызову. Ваш сосед по лестничной клетке, пенсионер Черепашук, старший по этажу, услышал на вверенной ему клетке крики типа «безобразие, хулиганство, я полицию позову», немедленно позвонил в отделение, пока дело не дошло до кровопролития.

Из-за спины Кувшинникова высунулся старикашка:

— Здравствуйте, а я тот самый Черепашук, который слежу за порядком... Я насчет лифта. Он вообще-то работает, но временами выходит из строя по причине... Иногда без причины... Но сегодня, то есть в сей момент, он остановился между пятым и шестым этажом... Там какая-то женщина. Она там то впадает в ярость, то выпадает в панику. Нажимает все кнопки разом, дергает за дверцу и кричит не своим голосом... Ведет переговоры с дежурной, но ей отвечает голос маленькой девочки: «Мама за молоком пошла, а я тут за нее кнопки нажимаю».

— Вы меня перебили, — упрекнул Кувшинников старшего по этажу, — а я когда подъехал по вызову и увидел, что лифт не работает, пошел пешком. Чтобы скрасить монотонность подъема на девятый этаж, стал считать ступеньки. У меня такая примета: если число ступенек до объекта четное, то дело будет раскрыто, а если нечетное, то нечего и стараться. Однако между пятым и шестым этажами я сбился со счета. В клетке лифта я увидел милостивую женщину с тонкой тенью усиков над верхней губой, глаза карие, выразительные, губы алые, сочные, подбородок нежный, округлый, щечки с ямочками, шея длинная, гибкая, вырез на платье глубокий... Секундного взгляда на нее мне было достаточно, чтобы словесный портрет навечно отпечатался в моей памяти... «Товарищ лейтенант, помогите, пожалуйста».

Я закрыл глаза и про себя отметил: голос мелодичный, берет за душу... Поэтому когда я вошел в вашу дверь, я первым делом стал искать телефон, чтобы поскорее позвонить в лифторемонтную бригаду... Обстоятельства дела я уяснил себе сразу, почерк аферистки мне показался знакомым, я даже начал составлять список похищенных вещей, как вдруг... загудел лифт! И тут... в одно мгновение я прокачал все данные о дерзких ограблениях среди бела дня на глазах у хозяев, мысленно пролистал все портреты аферисток и... сорвался с места, оставив в недоумении супружескую пару Поповых. Я бежал вниз, пролетая лестничные пролеты в один прыжок. Лифт на первом этаже и я оказались почти одновременно. Давно разыскиваемая, неуловимая аферистка Кацынская, она же Алебастрова, она же Подотригора, она же Хабибулина, Канделакерн, Бэдэ, Емирович-Анченко, Ногине, она же Попова, была в моих руках.

— Вот! — подал голос Черепашук. — Вот он, момент торжества истины!

— Момент да, — согласился Кувшинников, — но до торжества дело не дошло. Кацынская, она же Попова, она же была, но чемодана при ней не было.

— Как не было? — вскинулась Верунчик.

— И тут я понял, что меня морочат. Морочат мои мозговые извилины. В один миг я сообразил, что женщина, которая приехала в лифте, совсем не она, не та, а та — которая осталась наверху и строит из себя жертву ограбления. Сломая голову я по-

мчался на лифте вверх и задержал этих преступных элементов, выдававших себя за Поповых, за Кацынских, за Подотригор! Вы арестованы.

— Нет, но почему? Вот мой паспорт, я научный работник Федор Попов, я здесь живу, вот отметка паспортного стола.

— А вот мой паспорт, я Вера Попова... Я что же, ограбила саму себя?

— Мы эти фокусы знаем, — холодно сказал Кувшинников, — ограбят самих себя, а потом страховку требуют.

— Какую страховку? — заплакала Верунчик. — Мы застрахованы только от пожара.

— Ой, будто мы не знаем, как это делается, — засмеялся Кувшинников, — сначала вывозятся ценные вещи, а потом все остальное поджигается, блин.

После всего этого, что Нюров называл репетицией, а остальные все — ограблением, Баклушин разыскал Оскомину, наряженную Поповой.

— Ну, как тебе все это?

— Забавно. Смешно. Но не совсем понятно.

— Текста не много у тебя?

— Да разрешено же импровизировать в рамках смысла, отсебятину можно...

— А ничего не покорило?

— Чемодан тяжелый.

— Чемодан жутко тяжелый, — согласился Авдей, — я когда его из лифта выносил... за секунду до появления полиции... думал, что кишки лопнут. Еле до багажника доволот.

— Я спросить хотела: а мент настоящий?

— Свистел вроде по-настоящему.

— Нет, ну говорят же все, что сериал... Пойми.

— Если сериал, то нас это не должно волновать.

Но тут из подъезда появился Нюров:

— Так, а теперь все срочно в суд!

В просторном помещении суда народу оказалось немного.

Судья оказалась строгой женщиной в черном, при очках и с бородавкой над глазом.

— Продолжим заседание суда, — громко сказала она и повернулась к лейтенанту Кувшинникову: — Кого вы мне привели?

— Не узнаете? Это же Кацынская. Она же Алебастрова, она же Подотригора, она же Хабибулина. Приглядитесь, — он повернул женщину лицом к судье, и Авдей Баклушин вздрогнул: да это же Нюня Оскоминая, одетая Кацынской, — тонкая тень усиков на верхней губе, глаза карие, выразительные, губы алые, сочные, подбородок нежный, округлый, щечки с ямочками, шея длинная, гибкая, вырез на платье глубокий...

— Где-то я этот словесный портрет уже читала, — заметила судья.

— Так он же на всех автобусных остановках висел, — ответил Кувшинников.

— Нет, нет, — поднял руку Федор Попов-Баклушин, — я видел этот портрет в лифте. Именно этому портрету я помогал вносить в лифт украденные у меня же вещи, — строго спросил у Кацынской: — Где они?

— Какие еще вещи? — отмахнулась Кацынская-Оскоминая.

— О, голос мелодичный, берет за душу, — заметил Кувшинников.

— Где вещи? — продолжал напирать Федор. — Где мой пиджак темно-серый, буклевый, пятьдесят второй размер, четвертый рост? Вы его толкнули? На рынке? За бесценок? А ведь он, если учитывать значку под подкладкой, стоимостью с «Жигули»!

— Я не знала, — принялась отнекиваться Кацынская, — я если бы даже знала, не взяла бы. Я так воспитана: не брать чужого.

— А взяли, — упрекнул Федор.

— Мне чужого не надо. Меня просто попросили войти в квартиру и спустить вещи до первого этажа. Чтобы люди смогли перевезти эти вещи на дачу. Ключ дали. И обещали потом расплатиться за работу.

— Ха, работа, — сыронизировал Федор.

— А кто попросил? — спросила судья.

— Она назвалась Подотригора. Мне фамилия запомнилась. Смешная. Подотригора я слышала где-то, а вот Подотригора мне показалась смешной.

— Значит, вы не Подотригора? — спросила судья.

— Она вам сейчас скажет, что она и не Хабибулина, и не Алебастрова, — стал заводиться Кувшинников.

— Да, я не Хабибулина и не Алебастрова. Вот человек, который может подтвердить, — Кацынская показала на Баклушина.

— Это тот самый, что подносил чемодан до машины, — вспомнил Кувшинников.

— Позвольте, позвольте, — поднялся Баклушин, — меня попросили...

— Кто попросил? — снова спросила судья.

— Один человек. Одет по-простому. Из толпы не выделишь...

— Да у них тут целая преступная группа! — воскликнул лейтенант Кувшинников.

— Прекратите сейчас же, — строго сказала судья, — у нас тут суд или не суд?

— Ой, у вас тут суд? — вдруг всполошилась Кацынская. — А я не одета, — и принялась поправлять детали своего туалета, прическу, — я такая неопытная, со мной это вообще в первый раз. Вот если бы золотая рыбка была готова исполнить мои желания, я была бы в затруднении, я в этих желаниях заблудилась бы как в трех соснах. Понимаете, я женщина, которая не знает, что хочет.

— Кого вы мне все приводите? — спросила судья у Кувшинникова.

— Что, опять не та? Я же ее на месте преступления нашел.

— Кувшинников, — строго сказала судья, — идите на работу. И без улик не возвращайтесь.

Судья в задумчивости стала ходить по залу суда.

— Нет, мы какой-то особый народ... У всех прочих народов — божественное происхождение — от Иисуса, Аллаха, Будды, и только нашему народу без конца твердили, что Бога нет, а мы произошли от обезьяны. Только этот особый человек взял в руки палку, только он сообща охотился на мамонта. И, наверное, с удовольствием охотился бы до сих пор, если бы вместо мамонтов ему не были предложены ножки Буша. Этот народ вообще очень любит жить на халяву. Поэтому клюет на любые обещания. А уж ему, бедному, обещают, обещают, обещают годовые, обещают месячные. Для того, кто обещает, точно Бога нет, а кто во все это верит, Бога и быть не может. И это еще одно доказательство, что мы произошли все-таки от обезьяны.

Но тут снова появился Кувшинников с какой-то женщиной. Она несла чемодан и опустила голову вниз из-за тяжести, а когда подняла голову, Баклушин сразу узнал Клёпу Колдобину.

— Вот! — торжествующе произнес Кувшинников. — Вам вам ваша Подотригора! С ручной уликой!

— Это ваша улика? — спросила судья.

— Нет, этот чемодан не мой.

— А отпечатки пальцев на чемоданчике ваши! — засиял Кувшинников.

— Меня просто попросили получить этот чемодан в камере хранения.

— Кто попросил? — спросила судья.

— Одна женщина.

— Какая из себя?

- Глаза карие, — ответила женщина.
- Выразительные, — довольно поддакнул Кувшинников.
- Губы красные...
- Сочные...
- Подбородок...
- Нежный, округлый.
- Щеки...
- С ямочками.
- Ну вот товарищ, он все лучше знает, — усмехнулась Подотригора.
- Наконец-то все сошлось, — выдохнул Кувшинников.
- Что сошлось? — не поняла судья.
- Наконец все... Словесный портрет — налицо, улик — полный чемодан.
- Что у вас в чемодане? — спросила судья.
- Откуда мне знать.
- Откройте его.
- У меня ключа нет.
- Прямо какой-то черный ящик, — ухмыльнулся Кувшинников.
- Кто вы такая? — очень спокойно поинтересовалась судья.
- Товарищ лейтенант уже представил меня... Подотригора я.
- Расскажите о себе.
- Я просто неудачница, — пожалала плечами Подотригора-Колдобина, — у меня жених был. Поехал поступать в институт и не вернулся... А еще жених был другой. Пошел в магазин за хлебом и не вернулся... Еще жених был Константин, тот вообще... Я попросила его мусор вынести... Не вернулся.
- А ведро? — быстро спросил Кувшинников.
- Какое ведро? — не вернулась из грез Подотригора-Колдобина.
- Мусорное ведро хоть вернул? — посочувствовала судья.
- Нет, не вернул. Так с ним и ушел.
- Да, очень грустная история.
- Может, шас где-нибудь и ходит Константин ваш с этим мусорным ведром и о вас думает, — вздохнул Федор Попов.
- Нет, не думает, — печально сказала Колдобина-Подотригора, — он мне письмо прислал, что не думает.
- А ведро? — вспомнил Кувшинников.
- Про ведро он не написал.
- Скажите, а еще женихи у вас были? — поинтересовался Федор Попов.
- Ой, вы меня насквозь видите, — вздохнула Подотригора-Колдобина.
- В каком смысле?
- Подотригора-Колдобина сняла плащ, под которым оказалось свадебное платье:
- Видите, я на всякий случай ношу свадебное платье, так сказать, всегда готова замуж... И жених у меня Толик... Недавно поехал на велосипеде и...
- Не вернулся? — хором спросили все.
- А с ним ничего не случилось? — спросила судья.
- А что могло случиться? — вздохнула Колдобина-Подотригора.
- Да мало ли... Может, под машину попал?
- Об этом я не думала... — Подотригора утерла глаз кончиком свадебного платья, а потом неожиданно оживилась. — Но вы подарили мне надежду. Может, и тот, что в институт поехал поступать, тоже под машину? И тот, что за хлебом, а? И Константин?

— А у вас на этаже мусоропровод или на улице мусоросборник, куда надо носить? — опять полез уточнять Федор Попов.

Колдобина-Подотригора сразу поскуचनाла:

— На этаже... Нет, под машину он никак... А я так надеялась... Нет, все-таки я неудачница. Но спасибо вам, что заронили в меня искру надежды.

Но тут судья решила прекратить лирику и спросила Попова:

— Это ваш чемодан?

— Я свои чемоданы помню неточно.

— Но это тот самый чемодан, который вы помогли грузить в лифт?

— Я, знаете, больше на женщину смотрел, чем на чемодан, — засмутился Попов.

— Ну, чайники, — психанула судья, — просто какой-то наплыв, какой-то перебор чайников. Ну, не может быть их так много.

И опять заходила по залу суда, размышляя:

— Почему не может? Очень даже может. Ведь чайники составляют большую часть человечества. К чайникам можно отнести не только лохов и фраеров, но и дилетантов-любителей, и простодушных романтиков, и хронических неудачников, и даже утопистов... Боже мой, да чайники есть и среди китов, и среди мышей, и среди обезьян, и среди бабочек. Везде, где происходит общение... Что такое гадкий утенок? Это же будущий лебедь. Но это «последний человек» в том обществе, где живут утята. Мы знаем, как гоняют, кусают, шпыняют, клюют, топчут слабого, как отнимают крохи, что он имеет, как оттирают и презирают робкого. Природа жестока? Да. Природе слабые не нужны? Но зачем тогда слабым рождаться с такой упрямой регулярностью? Это что — ошибки, бракованные экземпляры? Но в природе ошибок нет. Природные чайники необязательно хилые, дефективные, неприспособленные. Бывает, что они попросту своеобразные... Против белой вороны яростно объединяется вся серая стая: лети прочь и попробуй выживи без нас!.. Выжить можно: белая ворона не слабее обычной, красивее и умнее. Но как оставить потомство? Вот если бы под стать себе еще и белого ворона встретить. Вот если бы все белые вороны объединились. Вот если бы объединились все чайники...

А тут лейтенант Кувшинников привел новую подозреваемую. Авдей Баклушин аж вздрогнул: Тюля?

— А это, будете смеяться, Алебастрова! — объявил он.

— Опять «она же»?

— Нет, но со словесным портретом совпадает, словно с нее срисовывали: глаза выразительные, губы сочные, подбородок нежный, щеки, шея!

— Откуда она у вас? — спросила судья.

— Мы устроили засаду в багажном отделении, а эта милочка явилась получать багаж. Получила два узла и была задержана.

— Что у вас в узлах? — поинтересовалась судья.

— Я не знаю, — тихо ответила Алебастрова-Выскребенцева, — меня попросили получить и привезти.

— Кто попросил?

— Я не знаю. Я в почтовом ящике обнаружила уведомление, что мне надлежит получить в багажном отделении два узла по прилагаемым квитанциям и отвезти их на дачу к гражданке Барыгиной.

— Ха, барыга — это же скупщик краденого по-блатному, — вспомнил Попов.

— Опять все сходится, — расплылся в довольной улыбке Кувшинников.

— А где у этой Барыгиной дача? — любопытствовала судья.

— Это знает только сопровождающая.

— Кто такая? — насторожился лейтенант.

— Она должна была подойти ко мне после получения узлов.

— Но не подошла! — крикнул Кувшинников.

— Да, потому что вы меня арестовали. Нас, получателей узлов и чемоданов, там было много, и все мы ждали сопровождающую с грузовиком.

— Во! — ахнул лейтенант Кувшинников. — Да у них там целый холдинг! Одни влезают в квартиры, другие выносят, третьи в камеру хранения сдают, четвертые получают, пятые в барыжную отвозят, шестые толкают по сходной цене, а кто-то всем этим управляет и денежки подсчитывает.

— Кто? — поинтересовалась судья.

— Если б я знал...

— А вы в самом деле Алебастрова? — с интересом спросила женщину судья.

— По стечению обстоятельств.

— У вас есть документы?

— У нее талончик в поликлинику на фамилию Алебастрова, — прояснил Кувшинников.

— Это ваша настоящая фамилия? — прищурилась судья.

— Нет. Просто знакомая медсестра, которая выдает листки в окошке, так написала. Может, по ошибке, может, кто не пришел, может, написала первое, что в голову пришло...

— Во! — снова воскликнул Кувшинников. — Чешу во все лопатки в поликлинику! Ниточка тянется туда, — и убежал.

— А я? — часто заморгала Алебастрова-Выскребенцева.

— Чешите и вы, — устало махнула рукой судья.

— Хорошенькое дельце! — возмутился Федор Попов-Баклушин. — Нас вы осуждаете, а ей предлагаете чесать?

— Чешите и вы, — бросила судья, — все свободны.

Сам собой образовался перерыв. Кто пошел покурить, кто поесть-попить, кто потрепаться.

Вокруг Авдея Баклушина собрались все «преступницы»: Тюля, Нюня и Клёпа.

— Ну, как вам все это? — спросил Авдей.

— Все по тексту, — ответила Клёпа, — а что ты хочешь? Сериал, он и есть сериал.

— Значит, точно репетиция сериала? — насутился Баклушин.

— Может быть, — ответила Нюня, — правда, режиссера не было видно.

— А меня не оставляет одна мысль: не сериал это, а реал... Чемоданчик-то был уж очень тяжелый, — гнул свое Авдей.

— Да, — согласилась Тюля, — реквизит таким не бывает... Предполагаешь, что там был тот самый жидкокристаллический телевизор?

— Ото ж! — Авдей почему-то перешел на украинский язык.

Но все их мрачные мысли были перебиты появлением блестящего Опричнева. Его мобильник громко играл марш тореадора из оперы Бизе, а сам Опричнев, гламурный красавец, весь в белом, шикарно шел, звеня и подпрыгивая. Звеня золотыми цепями на шее, золотыми браслетами на руках и подпрыгивая на пружинивших, золотого цвета ботинках на высоких каблуках.

— Привет, красавцы! — крикнул он. — В суде объявляется перерыв на прием пищи внутрь. Все на шашлык к моим друзьям!

Шашлык уже был готов к приему внутрь. Дымок от углей, проходя сквозь мясные мускулы, наливался мясным ароматом и втягивался дрожащими ноздрями окружавших костер людей.

Жора Семенец был настоящий русский мужик. Он любил и пожрать, и выпить. Обожал поорать караоке, потому что ни одного слова ни одной песни не помнил, а с караоке хорошо: ни памяти, ни слуха не надо.

Его гражданская жена Киля тоже любила поорать караоке, но пить любила только пиво. Была она крашеной блондинкой, обожала черную обтягивающую блузку и лосины, чтобы скрыть целлюлит, накапливающийся от лености и обжорства.

Жора гражданскую жену любил, но натуральной женой делать не спешил. Точнее, не хотел, потому что у Киля уже были нагулянный по залету Робертик пяти лет и дочка Катя от предыдущего брака с мастером по холодильным установкам.

Кате было уже шестнадцать, училась в девятом классе, имела паспорт и жила хоть и в семеновской квартире, но независимо: делала все время уроки, а караоке не любила.

Вот как раз сегодня Семенцы и отмечали пятый годок Робертику. Народу собралось со всей Карломарловки: Шурик Свисток, организовавший автостоянку возле рынка, то есть за сто рублей с каждого приглядывал за порядком, который и без сотни никто не собирался нарушать; Хачик Шампур, готовивший на рынке шашлыки из бывшего мяса на чистом уксусном растворе; Борик Фимоз, прозванный так за поставленный ему диагноз ФГМ (фимоз головного мозга с симптомами агрессивности и снижения мыслительной способности). Еще была Соня Шифоньер, шмара Шурика, работавшая, по ее словам, в органах. В каких органах, Соня не уточняла, но ее и не спрашивали.

— Где тазик с «Оливье»? — спросил Жора, внося вязанку пивных двухлитровок.

— О, пивас пришел! — обрадовалась Соня.

— А подкрепление? — нахмурился Шурик.

Жора вытащил из кармана четвертинку.

— Ты шо? — обиделся Шурик. — Это же слону дробина.

На что Жора стал неторопливо и молча доставать из разных карманчиков, которых на его комбинезоне было не сосчитать, еще четвертинки.

— ...Семнадцать, восемнадцать! — закончил он подсчет «дробин» и объяснил: — Поллитровок не было, а «сабонис» был один, но что нам литр?

— Другое дело, — одобрил количество Шурик, — а то еще Опричнев обещал своих дружков привести.

— К празднованию дня рождения Робертика можно приступать и не дожидаясь прихода, — сказала Киля.

— За наше счастливое детство! — тут же откликнулся Борик Фимоз.

— Когда детям хорошо, то и нам хорошо, — поднял четвертинку Жора Семенец, — их детство — это наше счастье, — долил в каждую кружку пива из четвертинки и поднял свою, — поехали!

— Э-э, — остановила его Киля, — своего гимнаста не забудь обмыть.

— Правильно, — согласился Жора, достал из кармана большой крест, окунул его в кружку и повесил к себе на шею, — класс, а? Это мне наш городской минигарх Гарик подарил.

— За что? — высунулся Борик-фимоз.

— Я ему блатной номер для машины устроил — три семерки.

— Ну, теперь ты будешь заповеди соблюдать, — позавидовал Хачик, — сколько их там?

— Три семерки — значит семь, — догадался Фимоз.

— А как ты ему такой номер сделал? — поинтересовалась Соня.

— А у меня в ГАИ все схвачено, — похвастался Жора с чувством собственной важности.

— Ой, — вспомнила Киля, — а я письмо счастья получила.

— От кого? — спросил Фимоз. — От ГАИ?

— ГАИ писем счастья не пишет, — отмахнулась Киля, — это от одного доктора наук. Требуется, чтобы я таких же сто писем отправила, тогда ко мне придет счастье.

— Разве так бывает? — не поверил Хачик.

— А что такое счастье? — важно спросил Жора. — Это, во-первых, благосостояние. Чтоб было не хуже, чем у других. Чтобы сытно, чтобы квартира, чтобы машина. Но чтобы было все просто, без излишков, без этих мозговых извилин.

Слова тоста перебил звонок от входной двери во двор.

— Кого несет? — крикнула Киля.

— Ты что? — осадил гражданскую жену гражданский муж. — Вдруг это Опричнев?

— К вам можно? — появился пацан лет двадцати в кедах, бейсболке и майке с надписью.

— А ты кто? — поинтересовался Жора.

— Я Фаня от Толика.

— Что за Толик?

— Есть такой пацан с Кольцовки, торгует кое-чем.

— А, — вспомнил Жора, — это гопник с Кольцовки, торгует палеными дисками.

— А кто такой гопник? — спросил Фимоз.

— Гражданин опасного поведения, — объяснил Жора, — а че он тебя прислал?

— Говорит, у тебя есть нотариус, который может оформить наследство без документов.

— Кто говорит?

— Толик сказал.

— А откуда он?

— Ну, Георгий Семеныч, мир велик, — ушел от прямого ответа Фаня.

— Я Семенец, а не Семеныч... — сразу стал остывать Жора. — Меня в честь папы называли, так что я Георгий Георгиевич, дважды Георгий, — опять стал наливаясь важностью Жора.

— Или Жора Жорыч, — неожиданно ляпнул Фимоз.

Все рассмеялись.

— Нотариус у меня есть, — неторопливо начал Георгий Георгиевич, — у меня все есть. Я с любыми звездами вась-вась. У меня даже награды есть: орден знакомства с Кобзоном третьей степени и медаль знакомства с Пугачевой второй степени... Но нотариус тебе обойдется недешево.

— Это не мне, а Толику.

— Вот ему мой телефончик сотовый, — Жора протянул визитку, — пусть позвонит, о цене потолкуем.

Фаня взял визитку и ушел.

— Мне этот Фаня не понравился, — неожиданно заявила Киля, — это не наш человек.

— А че не наш? — не понял Хачик. — Гопники очень социально близки нам.

— Очень уж интеллигентно вошел... «К вам можно?»... Жорку по отчеству назвал...

Не нравится мне все это. Есть какая-то противная эстетичность.

— Килька, ты выгиваешься, — сказал гражданский муж.

— Я подозреваю, что он к Катке приходил, а не к тебе.

— А че за нотариуса интересовался?

— Значит, все продумал заранее.

Тут со стороны ворот послышался крик:

— Эй, пацаны!

— Опричник, вали сюда! — сразу заорал в ответ Жора.

— Здорово, реальные пацанчики! — откликнулся Опричнев. — Смотрите, каких я вам самок привел!

И впустил вперед себя в калитку Тюлю, Нюню и Клёпу.

— Ты что, очумел нас так называть? — обиделась Клёпа.

— Девочки, мои друзья — чистые жлобы, — пояснил Опричнев, — они другой язык и не понимают.

— Зачем ты нас знакомишь со жлобами? — остановилась Тюля.

— Девочки, вам надо знать окружающий вас мир, — продолжал пижонить Опричнев, — а мой друг Жора Семенец — это настоящий русский мужик. Уважение к традициям — это у него в крови. Тазик «Оливье» на любой праздник, сто грамм после бани — это святое. Иначе он не будет знать, как жить...

Тут все уже подошли к шашлыку.

— Здорово, Жора! — полез обниматься Опричнев. — Знакомься, наши деффки: Клёпа, Нюня и Тюля.

— О, Тюля, — обрадовалась Киля, — мы с тобой как две сестры: ты Тюля, я Киля, ты Тюлька, а я Килька.

Все рассмеялись.

— Прошу всех к столу.

Поначалу общение не клеилось. Но после того, как Жора Семенец объяснил, ради чего собрались, и предложил тост за пятилетие ребенка, все оттаяли.

Шашлык оказался прекрасным, пиво — пенистым, а когда Шурик Свисток сбегал к машине, принес мониторчик и включил караоке, все гости и не заметили, как стали петь вместе.

С одесского кичмана
Сбежали два уркана
Сбежали два уркана ды на волю.
В одесской малине
Оне остановились,
Оне остановились отдохнуть.
Товарищ, товарищ,
Болять мои раны,
Болять мои раны в глыбоке.
Одна заживает,
Другая нарывает,
А третья открылась в боке.
Товарищ Скумбриевич,
Скажи ты моей мамы,
Что сын ее погигнул на poste.
С винтовкою в рукою
И с шашкою в другую
И с песнею веселой на губе.
Ой, чую, очень скоро
Мене тут закопають,
И жить мене придется не дыша.
И что я, зря, что ль, грабил?

Напрасно убивал, что ль?
Жизнь мимо, что ль, впустую, что ль, прошла?
Но мамы про грабежку
Не говори ни слова,
Не говори, что Сема уркаган.
Пусть думает, что Сема
Как был хороший мальчик,
Ей передай вот этот вот наган.
На нем благодарность
Сам написал Жердинский,
Фамилья там была — я ее стер.
Вчера под Вапняркой
С него меня подбили,
А я у комиссара его спер.
Товарищ Скумбриевич,
Скажи ты моей мамы,
Что сын ее погибнул на poste...

Расходились поздно.

— Все-таки, Опричник, привел ты нас не по адресу, — пожурила Клёпа.

— Не сечете вы, девочки, не сечете, — победительно оправдывался Опричнев, — жлобы сегодня составляют основную и немаловажную для власти часть населения. Это же те, кого называли раньше обывателями, мещанами. Нормальные городские жители, правда, с некоторой интеллектуальной убогостью, самодовольством и отсутствием собственной точки зрения. Это же и электорат, и пушечное мясо, и паства, это же и средний класс. Я их, правда, называю жлобывателями. А можно называть и стадобывателями, и жлобыдлоидами. А новый русский — это вам не жлобыватель? В новом русском все должно быть прекрасным и новым: и лицо, и мобильный, и тачка, и контрольный выстрел. Я вот ни от кого не скрываю, что я новый русский. Да, сегодня жлобыватель уже не оборванец, не быдло, не люмпен, сегодня жлоб — в гламуре, в образованщине, в обучаловщине, в знании жизни. Сегодня все мы настоящие русские мужики... Появились жлобыватели нового поколения, обожающие Интернет, где у них появился свой жлобывательский язык: превед, ылитные аффтарты, журнализды, футболизды, юмар, тель-авизор, ынтеллигент. Они думают, что, заменяя одну-две буквы, они проявляют остроумие. На их языке это называется лузлы... И привел я вас правильно, по адресу, чтобы вы лучше знали окружающую жизнь.

— Да на фиг нам знать такую окружающую жизнь?

— Милочки, от них же зависит рейтинг телевидения! Или того, что они называют зомбоящик.

А на следующий день продолжился суд.

— Ну вот, наконец-то! — воскликнул Кувшинников, вводя в зал суда новую женщину с чемоданом.

Баклушин напряг зрение, кто бы это из знакомых, но женщина была незнакомой.

— Это ваш чемодан? — сразу спросила судья у Верунчика Поповой.

— Видите, пришита нашлепка? — рассмеялся Кувшинников. — А на ней надпись «Попова». Вам этого мало?

— Это не наш чемодан, — покачала головой Верунчик.

— Но надпись! — уже вскричал Кувшинников. — Вот же! Попова!

— Моя фамилия Попова, — тихо произнесла Верунчик.

— На чемоданах ударение не так важно, — продолжал напирать Кувшинников.

— А почему у вас такое странное ударение? — любопытствовала судья.

— Это моя девичья фамилия.

— Вы разве не поменяли фамилию при замужестве?

— У моего мужа фамилия тоже оказалась с ударением на первом слоге. Сначала я хотела взять двойную фамилию, но представляете, как неприлично она звучала бы при наших ударениях... И тогда я решила при замужестве поменять не фамилию, а ударение. Теперь я Попова, но это не мой чемодан.

— Откуда он у вас? — спросила судья у Кувшинникова.

— Я дежурил возле камеры хранения с целью обнаружения сопровождающей, которая должна была отвезти украденные вещи на дачу Барыгиной. Сопровождающую мне схватить не удалось, она позорно бежала и скрылась в толпе, но чемодан захватить удалось.

— А эта женщина кто?

— Она из камеры хранения.

— Но она-то при чем?

— О! — напомнил Кувшинников. — Вы забыли, что у них там целый холдинг? И каждая женщина всегда при чем-то.

— Но при чем?

— Это выясняется. Но самое смешное — у нее фамилия...

— Пойдите, я угадаю, как ее фамилия, — приостановила Кувшинникова судья, — ваша фамилия Хабибулина?

— Да, Хабибулина, — призналась женщина.

— У вас документы какие-нибудь с собой есть?

— Нет.

— А как вы докажете, что вы Хабибулина?

— А чего мне доказывать? У меня презумпция! Это вы доказывайте.

— Очень мило, — загрустила судья, — у одной талончик к врачу в качестве документа, другая — неудачница в свадебном платье с мусорным ведром, третья — вообще пришей кобыле хвост... А фамилии у всех — как у нас в суде. Кацынская — это секретарь суда, Подотригора — адвокат, Попова — прокурор...

— Пойдите, — закричал Кувшинников судье, — я угадаю вашу фамилию! Ваша фамилия — Хабибулина!

— Нет, Хабибулина — это из управления юстиции, — махнула рукой судья, — а моя фамилия — Алебастрова.

— Батюшки! — всплеснул руками Попов-Баклушин. — Это же кто-то хочет вас подставить! Кто-то работает под вас!

А Нюня Оскомина тут же помчалась в редакцию, чтобы на следующий день газета «Мир на ушах» вышла с очередной сенсационной обложкой «Суд в полном составе идет под суд».

Но самое потрясающее событие произошло в субботу, когда на экранах телевизоров в передаче «Максимальные сенсации» показали задержание ограбленных Поповых и суд над Кацынской, Подотригорой и Алебастровой.

— Ой, это же мы! — ахнула Клёпа Колдобина.

— Мы думали, это репетиция, — опечалилась Тюля, — а они, оказывается, нас снимали.

- Скрытыми камерами! — догадался Авдей.
- Но как неудобно, — заверещала Тюля, — меня теперь будут все принимать за эту преступницу.
- А меня что, не будут? — сказала Клёпа.
- Девки, не трухайте, — поддержала подруг третья преступница — Нюня, — эту муру по телику никто не смотрит. Только домашние хозяйки, а мы с ними нигде не пересекаемся. Лучше покупайте свежий номер «Мира на ушах». Там ни одной нашей фотографии, а фамилии все названы. Но фамилии-то не наши, а все эти Кацынские-Подотригоры-Алебастровы. Так что не трухайте.
- Нет, а мне нравится эта наглость нашего Ньюрова, — стал заводиться Авдей, — это всего лишь репетиция, контракт потом, а деньги опять мимо нас?
- Нас надули, — на глазах Тюлечки появились слезы.
- Надо бороться, — твердо заявила Клёпа, — Баклушин — ты из нас единственный мужчина, тебе и карты в зубы... Придумывай наш план мести.
- Какой мести? — не усек Авдей.
- Ясно, что кровавой.
- Спокойно, девчонки, — осадила всех Нюня, — никакой мести, никакой поножовщины. Нам надо во всем этом серьезно разобраться.
- В чем разбираться-то? — перебила Клёпа.
- Что за фирма, которая наобещала вам в три короба, почему она нанимает на высокооплачиваемую работу временно безработных, а работы им не дает, да еще и денег не платит?
- Но кто нам все это скажет? Они же все воды в рот набрали. Я уж сколько раз подъезжал к Ньюрову, он всегда дает уклончивый ответ.
- Мы должны сами все это раскопать, — холодно сказала Нюня.
- Но как? С чего мы начнем конкретно?
- У меня есть одна зацепочка. Я оформлю тебя корреспондентом газеты «Мир на ушах», и ты пойдешь в комиссию по похоронным делам.
- Чего? — сразу надулся Баклушин. — По каким еще похоронным делам?
- Пришла к нам в редакцию одна бумага, ко мне попала нечаянно — кто-то перепутал... Я пробежала на всякий случай глазами — обыкновенная ерунда, но где-то мелькнула фамилия Микстура.
- Правильно, — откликнулся Авдей, — он же погиб, он и должен быть там.
- Ты что? — вскинулась Клёпа. — Ты что, родинку забыл? В морге же был не он.
- А, — вспомнил Баклушин.
- Вот и выяснишь, — скомандовала Нюня, — он это или не он? Может, брат его, может, однофамилец, хотя фамилия довольно редкая даже для грузин.

Авдей Баклушин остановился перед дверью с табличкой «Комиссия по похоронам» и постучал.

- Входите, открыто.
- Простите, это здесь хоронят? — вошел Авдей.
- Мой офис что, похож на кладбище? — насупился человек за столом.
- Вы, как я полагаю, председатель комиссии?
- Я и председатель, я и комиссия — у меня печать. Зовут меня Трусевич, а вас?
- Я корреспондент газеты «Мир на ушах» Баклушин.
- Что привело вас ко мне?
- Вы хороните за последние полгода уже третьего поэта... — начал Авдей, заметив на стене портрет в траурной рамке и с лавровым венком, небрежно накинутом на рамку.

— Если бы просто поэта, — перебил его Трусевич, — а то все поэты из плеяды, все выдающиеся, все генетический фонд нашей поэзии.

— Скорбите, видимо? — подыграл корреспондент.

— Не то слово. Сердце кровью обливается... А уж объем торжеств просто ошеломляет.

— Объем торжеств? — не совсем понял Авдей. — Вы имеете в виду масштаб, видимо?

— Я имею в виду объем... Открытие барельефа на доме, где он жил...

— А где он жил?

— Вам-то зачем?

— Хотелось бы со вдовой побеседовать. Нам для газеты нужны живые факты.

— Боюсь, что насчет живых фактов вы не по адресу... Погиб поэт...

— Как погиб? Мне сказали, что скончался... Правда, при невыясненных обстоятельствах.

— Нет, погиб, погиб поэт, невольник чести... Простите за цитату.

— Но как он погиб? наших читателей это будет очень интересовать. Письмами завалят. Расскажите, вы же знаете.

— Ничего я не знаю.

— В автомобильной аварии?

— У него не было автомобиля.

— Бандиты напали?

— Что с него взять?

— Ну, все-таки поэт из плеяды... Что было написано в медицинском заключении о смерти?

— Я этого не помню. Мне не обязательно это знать. В мои обязанности входят только церемонии...

— Типа похоронной процессии на артиллерийском лафете, замуравывания в какую-нибудь важную стену, бальзамирования, — зачастил корреспондент.

— Эка вы загнули... Журналист чувствуете... С бальзамированием, а следовательно, с мавзолеем — это вы меня насмешили... Хотя похороны веселыми не бывают.

— Хорошо, церемониалы, — согласился корреспондент и раскрыл блокнот для записей.

— Открытие барельефа...

— Это вы уже говорили, это я уже записал... Еще?

— Дадим его имя пароходу...

— О, будет, как у Маяковского «Нетте — пароход и человек».

— Его имя Нулин, — холодно сказал Трусевич.

— Это не псевдоним?

— Псевдоним, — кивнул Трусевич, — но приваривать по букве к борту парохода его настоящую фамилию будет накладно.

— А какая его настоящая фамилия?

— Христопродавченко.

— Да, это долго приваривать.

— Вопрос в другом: можно войти в бессмертие с такой фамилией? Такая фамилия и на город не тянет. Представьте себе: Христопродавченская область, город Христопродавченко-на-Амуре... Это ужасно. А Нулин — совсем другое дело: Нулин-Областной, Нулин-на-Волге, Нулин-на-Дону, Нулин-на-Оби. Звучит красиво.

— Что, и город должны переименовать?

— Обойдемся только пароходом.

— Что еще? Фонд Нулина с ежегодной премией? Или именная стипендия? Раньше были Сталинские стипендии, Ломоносовские, а теперь Нулинские — хорошо!

— Предполагается митинг, — остудил энтузиазм корреспондента председатель похоронной комиссии.

— Нулинский митинг! Красиво... Кто выступит на митинге? Кто-нибудь из известных критиков?

— Нет, нет, никаких критиков. О покойниках плохого не говорят.

— Стихи будут читать? Тоже хорошо... Подскажите мне какую-нибудь строчку из Нулина. Мне на память ни одна не приходит.

— Это только говорит о вашей недостаточной культуре.

— Ой, неужели я что-то проморгал? Что он написал? Гимн вроде не он, поэм тоже не помню...

— Пусть вам будет стыдно.

— Мне и так стыдно. Придется идти ко вдове, дайте мне адресок...

У вдовы зеркала были занавешены черным, на столе стояли цветы.

— Простите, я из газеты, — робко сказал Баклушин.

— Это хорошо, хоть что-то живое, — вздохнула вдова, — я устала от этих перелицованных пароходов...

— Перелицованных?

— Бывший «Матрос Железняк» стал теперь «Поэт Нулин». Но эта дурацкая комиссия по похоронам и тут не доглядела: имя «Нулин» на носу и корме сверкает, а про спасательные круги забыли.

— Склеротики.

— Склеротик в единственном числе. Этот председатель Трусевич не мог вспомнить для речи на похоронах ни одной строчки из Гриши.

— Но, может быть, вы как близкий ему человек назовете одну, самую, с вашей точки зрения, удачную строчку из Гриши?

— Да, из стихов, посвященных мне... Я тогда еще училась, а он за мной ухаживал. — Вдова закатила глазки и стала читать стихи:

Я давно тебя взял на заметку,
А недавно столкнулся с тобой...

— Столкнулся, — со вкусом повторил Авдей.

Саданул поцелуй на лестничной клетке, — прочла вдова с яростью, —
И аукнулся в клетке грудной.
Как обдаст меня лютой любовью...

— Лютой, — продолжал млеть от поэзии Баклушин.

Как обхватит чувством до пят!
И всю ночь у меня в изголовье
Нераскрытым лежал сопромат.
Я не мог заниматься наукой,
Я дымился свиданьем томим...

— Дымился, — как эхо, повторил с наслаждением Авдей.

А под утро увидел: под руку
Беспощадно пошла ты с другим.

- Беспощадно, — зашелся от восторга корреспондент.
- Концовка мне особенно нравилась, — нежно сказала вдова, —

Пусть буду гол, пусть буду бос
И пусть в желудке пусто.
Я корь и свинку перенес,
Перенесу и чувство.

- Да, это что-то, — оценил Баклушин.
- Правда, запоминается?
- Прямо-таки в душу западает.
- А ведь все это написано здесь. Вот в этом кресле он творил. Хотя, если честно, он творил и на этом стуле. Стульев, на которых он творил, вообще-то было двенадцать, но десять пришлось продать.
- Как реликвии? — выдохнул корреспондент.
- Еще как реликвию мы продали дачу.
- Эх, — хлопнул себя по ляжке корреспондент, — а ведь там можно было устроить дом-музей, как в Переделкине!
- Григорий говорил, — выпустила слезу вдова, — голым пришел я в этот мир, голым и уйду.
- А, из поэтических соображений... — догадался Авдей.
- Мне предложили выступить по телевидению с воспоминаниями о моем муже-поэте, но я совсем не знаю, о чем вспоминать. Какая-то сушая ерунда только в голову лезет.
- Расскажите лучше, как он погиб, — попросил Баклушин.
- Вам лучше обратиться в тюрьму, — неожиданно посоветовала вдова.
- В тюрьму? — удивился Авдей. — Он разве сидел в тюрьме?
- Если бы только сидел. Он там жил.
- Для наших читателей это будет удар, — корреспондент был озадачен, — впрочем, для меня тоже... Но где, где он сидел, в какой тюрьме?
- Я вам дам адресок, — вдова что-то написала на клочке бумаги, — там у него друг сидит.

В казенной приемной тюрьмы Баклушин прождал недолго. Минут через пять привели друга Нулина.

- Вы от кого будете? — настороженно спросил друг.
- Я от вдовы, — ответил Авдей и протянул записку.
- Ага, — проверил записку друг, — значит, свой человек. Тоже хотите к нам в тюрьму?
- К вам в тюрьму? — удивился Баклушин.
- Что, не похоже на тюрьму? — улыбнулся друг. — Да, здесь у каждого свой кабинет...
- Вы хотели сказать «камера»?
- У нас есть один ученый, говорят, гениальный — так у него даже обсерватория.
- Обсерватория?
- Он рассчитывает полеты к Марсу, Венере...
- Но почему он делает это в тюрьме?

- Выпивает... — грустно развел руками друг.
- Но, насколько я знаю, алкоголь в тюрьму пронести невозможно.
- Я же сказал вам: гений... Он добывает его в своей обсерватории.
- Из чего?
- Из темной материи межзвездного пространства, — пошутил друг, — а сам он говорит: стоит мне рассказать из чего — мне сразу же дадут Нобелевскую премию.
- А он? — Авдей покрутил пальцем возле виска.
- Но пьет же! Каждый день! — друг доказательно стукнул кулаком по столу. — У нас нынче многие кажутся сумасшедшими, но в тюрьме сидят исключительно нормальные люди.
- Да, да, — согласился Баклушин, — кабинеты, обсерватории...
- Вот у меня студия, — добавил друг.
- Студия? А вы что, кинорежиссер?
- Я художник.
- Вы прямо здесь рисуете?
- Рисуют дети, а художники пишут.
- Простите, а что вы пишете? Портреты, натюрморты, пейзажи?
- Какие тут у нас пейзажи? — хмыкнул друг. — Я пишу идеи.
- Идеи? — обалдел Авдей. — Какие идеи?
- Глубокие, — солидно ответил друг.
- Расскажите о вашей последней работе, — таким же солидным тоном попросил Авдей.
- «Самоубийство через распятие».
- Но как это понять? — сразу забеспокоился Баклушин. — Как это возможно — через распятие? Как гвозди прибивать? Ну, одну руку еще как ни шло, ну, ноги, а одна рука все равно останется неприбитой.
- Вы на себе-то не показывайте, — охладил пыл Баклушина друг Нулина.
- Но получается, как бы неполное распятие. Это загадка.
- Именно! — обрадовался друг. — Именно загадка! Именно в этом смысл картины! Люди по часу стоят у картины, пытаясь разгадать!.. Приходите ко мне на посмертную выставку, убедитесь сами.
- На посмертную?
- А, как вы полагаете, кто в моей картине герой? Кто распят? Христос? Но это банально. Христос распят на всех крестах... А у меня, — друг сладостно улыбнулся, — у меня — это я. На кресте — мой автопортрет.
- Но почему?
- Я очень хорошо пишу именно автопортреты, — солидно произнес друг.
- Вы интересный человек, — дал свою оценку Баклушин.
- Очень интересный, — согласился друг, — я иногда даже сам себе удивляюсь. Сам себя не понимаю порой... Даже на моем классическом «самоубийстве через распятие» автопортрет гениальный, а крест сзади — ну, халтура и халтура... Зато после моей смерти художественным критикам предстоит работенка.
- После вашей смерти? — не понял Баклушин. — Ну, судя по вашему здоровому виду, им придется долго ждать.
- Тут дело не в здоровом виде, от здоровья тут ничего не зависит, — неопределенно произнес художник.
- А от чего зависит?
- Художник задумался. Видимо, не знал, говорить или не говорить все малознакомому человеку, пусть даже и с листочком от вдовы Нулина:

— Слушайте, если вы тоже хотите к нам в тюрьму, вам лучше узнать все у самого хозяина тюрьмы.

— У хозяина? — застыл Баклушин.

— А вы что думали, такую тюрьму можно содержать за государственный счет?

Пришлось Баклушину идти к хозяину тюрьмы. Он сидел за обеденным столом и старательно ел.

— Приятного аппетита, — поприветствовал его Авдей.

— Вы от кого будете? — хозяин отложил ложку.

— От вдовы поэта Нулина, — Баклушин протянул записку.

— Тоже по поэтической части?

— Нет, я наоборот, — замешкался Баклушин, не зная, что отвечать.

— Что значит наоборот? Критик, что ли?

— Да нет, не критик, — стал импровизировать Авдей, — я, в общем-то, клоун.

— Как ваша фамилия? — сразу подобрался хозяин.

— Баклушин.

— Не слышал. Но предполагаю, что выступаете под псевдонимом. Что-то вроде Бим, Бом, Бенц или Баклуша... А что? Бить баклуши. Запоминается легко... Ну что же, клоунов у нас еще не было... Вам, как я понимаю, тоже хотелось бы в камеру смертников?

— Смертников? Но сейчас, кажется, смертная казнь запрещена.

— Официально запрещена, но выбор самого человека... Сейчас ведь у нас свобода, свободный выбор...

— Нет, но выбирать смерть — это как-то... Расскажите, как бы это сказать, потолковее.

— Потолковее, ха... Сразу чувствуется клоунская закваска, так сказать, клоунский глаз... Ну что ж, расскажу потолковее. Мое частное предприятие называется «Баловни судьбы». В него входит танцлагерь за колючей проволокой, тюрьма строгого режима с камерой бессмертников...

— Бессмертников? — удивился Авдей. — Вы не оговорились?

— Официально она называется камерой смертников, но по сути — это камера бессмертников... Да, у нас в хозяйстве много услуг, но камера смертников пользуется особой популярностью.

— Даже популярностью? Давайте дальше. Детали, так сказать.

— У вас есть машина, дача, жилье?

— Разумеется.

— В заграничных цирках часто выступаете?

— Н-не без этого.

— Чтобы поступить в камеру бессмертников, вам придется все ваше богатство продать.

— Все?

— Не хотите — живите простым клоуном.

— А если продам? — спросил Авдей после паузы.

— Станете выдающимся, станете великим, станете гениальным!

— Ой, какие перспективы у смертников, оказывается...

— Это только у нас!.. Но конкурс в камеру смертников большой — десять человек на место.

Баклушин вскочил и стал ходить. Чувствовалось, что он очень взволнован.

— А чего это вы так разволновались? — спросил хозяин тюрьмы.

— А то, что нет у меня никакого преступления... Как я к вам попасть-то смогу? Да еще в камеру смертников.

— Не беспокойтесь, — остановил Авдея хозяин, — у нас с судом, так сказать, совместное предприятие. Так сказать, частное ателье, где любому гражданину сошьют любое дело. Будет сидеть, как влитое. Будто специально на вас пошили... Правда, за все это придется платить.

— Ну, это естественно. Мы живем в такое время, когда за все надо платить... Ой, скажите, а нельзя ли побывать в вашей камере смертников? Так сказать, на правах туриста — как, допустим, американец Тито в нашем космосе?

— Понимаете, если вы хотите минуты славы, то можете заглянуть туда через щелочку, но если вы хотите большой славы, так сказать, бессмертной, то надо садиться основательно.

— А продажа машины, дачи, жилья?

— Оставьте доверенность. Или поручите продать все это, допустим, мне.

— Но если у меня ничего, ничегошеньки не будет, — дрожащим голосом произнес Баклушин, — я окажусь на дне...

Так Авдей Баклушин и оказался на дне. То есть в большом казенном помещении, где за большим столом сидели красиво оборванные люди.

— Сегодня мы присутствуем на дне, — красиво сказал высокий человек по фамилии Сатин, — на дне рождения. Помните, кто-то из великих сказал: день похорон станет днем рождения. Вот сегодня умер некто, никому не известный Христопродавченко, зато родился замечательный поэт Нулин.

— Просто замечательный? — возразил небольшой человечек по фамилии Лукин. — А не выдающийся ли?

— Хорошо, — согласился Сатин, — умер маленький человек Христопродавченко, а родился большой поэт Нулин!.. Так устроит?

— Звучит, — кивнул Лукин.

— Человек — это вообще звучит... — наваристым баритоном сказал Сатин, — как там звучит, не помните?.. Гордо, кажется?

— Гордый человек — звучит гордо, — подтвердил Лукин, — красивый человек — звучит красиво, а большой человек — звучит большó.

— Нет, на слух — это не очень, — замахал ладошками человек по фамилии Актеров, — великий человек — звучит велико. Выдающийся человек — звучит выдающе. Известный человек — звучит известно. Это все плохо, это все не так.

— Как ни крути, как ни вихляй, — запел соглашательски Лукин, — а человеком родился, человеком и помрешь.

— Важно умереть не просто человеком, а великим человеком, — раскатисто сказал Актеров, но тут же снизил тон: — Ну, выдающимся хотя бы... ну, ладно, известным... Как там обычно пишут в некрологах?

— Когда я умру, — размышлял человек по фамилии Барометров, — про меня скажут: гениальный ум, растраченный на пустяки... Красиво.

— Смотря, чем этот ум занимался, — наконец-то, влез в разговор Баклушин.

— Этот ум занимался математикой.

— Теорией относительности, что ли?

— Теорией относительности занимался Альберт Эйнштейн, место занято, а я занимался... занимаюсь теорией ошибательности.

— А что это за теория? — продолжал втискивание в разговор Баклушин.

— Вам не понять, а я уже на пороге открытия.

- А почему только на пороге?
- Тебе же сказали: гениальный ум, растрченный на пустяки.
- А на какие пустяки, интересно?
- Заседания ученых советов, научные командировки... Отсюда и нехватка времени на большие открытия. И все-таки я войду в историю как корифей по открыванию тупиковых путей.
- Тупиковых? — не понял Баклушин.
- Я открываю пути, какими не надо идти. На всех моих путях висит «кирпич».
- А что же в этом корифейского? — продолжал не понимать Авдей.
- Зато каждый оставшийся путь — светлый. В каждом — свет в конце тоннеля. И благодарная публика...
- Я благодарную публику очень люблю, — сказал Актеров, — я, когда играл в театре, театр трещал и шатался от восторгов благодарной публики.
- Вы разве играли в театре? — Баклушин с недоверием оглядел оборванного человека.
- Я родился в театре, — важно произнес Актеров.
- А если вы хотите умереть в театре, придите и умрите в нем, — вспомнил цитату из Белинского Сатин.
- Да, я хотел бы умереть в театре, — размечтался Актеров, — прямо на сцене, прямо во время действия. Лучше во время второго акта... Когда публика уже собралась расходиться... Внезапно! Под овации!
- Нет, в театре лучше помирать во время антракта, — возразил Лукин, — люди только в буфет расслабляются, а тут третий звонок — приглашают на похороны.
- Помолчите, — отмахнулся Актеров, — что вы знаете о театре?.. Меня станут вспоминать потом: бедный Йорик... Настолько бедный, что от него один только череп остался.
- Один череп? — вздрогнул Лукин. — Боже, и это всех нас ждет.
- А от меня останется нога, а не череп, — втиснулся в разговор футболист Золотоногин, — нога со смертельным ударом! С красной повязкой — мол, опасность, мол, берегись.
- А у меня посмертная слава еще не до конца продумана, — вздохнул Лукин.
- Не может быть, чтобы великий ваятель, великий скульптор не оставил после себя вечных памятников, — не поверил Сатин.
- К сожалению, я всю жизнь ваял свои скульптуры... из шоколада на фабрике «Красный Октябрь», а они не вечны.
- Да, шоколад преходящ... — поддержал разговор человек с фамилией Кулак. — Кстати, не напомните мне, кто меня вчера бил? — и нежно потрогал шишку на голове.
- А вам не все равно?
- Конечно, нет. Я же боксер чистых кровей. С большим рейтингом.
- А что, таких не бьют?
- Во всяком случае, трезвых не бьют.
- С этого и надо было начинать, — строго произнес Сатин и поднялся, — главная тема жизни: трезвость и рейтинг... Ведь что такое человек? Это не ты, не я, не они — нет! — это ты, я, они, актер, Наполеон, Магомет — в одном! Понимаешь? Это — огромно! В этом — все начала и концы. Все в человеке, все для человека! И каждый человек хочет умереть великим! Необходимым, нужным, важным... Хочется хоть напоследок потешить тщеславие. Сегодня мы на дне. На дне жизни. Перед самым уходом в другое существование. Но сегодня мы и на дне рождения великого поэта Гриши Нулина. Пройдет немного времени, и мы соберемся еще на чей-нибудь день рождения. Когда следующему из нас приговор будет приведен в исполнение.

— Приговор? — вдруг испугался Баклушин. — Ах да, это же камера смертников...

— Мы бессмертники! — с пафосом крикнул Сатин.

— Я огорчу вас, — тихо проговорил Лукин, — я слышал, как наш тюремщик говорил по телефону... У нас сегодня нет палача. Палач умер от пустяка — от насморка какого-то свиного или птичьего.

— А что, не могли найти какой-нибудь микстуры? — вернул наконец свое кодовое слово Авдей, надеясь получить какой-то отклик.

— От свиного гриппа нет микстуры, — печально отмахнулся Сатин, — кстати, вы помните этого красавца грузина?

— Микстура — хороший был человек, — покачал головой Актеров.

— Вы его знали?

— Мы с ним дружили.

— Еще вчера его отправили туда, откуда не возвращаются, — вздохнул Лукин.

— Вчера? — заморгал Баклушин. — Еще вчера он был здесь?

— Да, а теперь он в парaprостранстве, в парасуществовании...

— А что такое пара? — осторожно спросил Авдей.

— По-научному это «около», а по-нашему Парагвай...

«Ух, — подумал Баклушин, — получена информация. Надо срочно сообщить нашим».

— Вы не подскажите, где тут дверь? — спросил он у Сатина.

— А зачем тебе?

— Выйти.

— Мил человек, отсюда выхода нет...

Возле «фирмы» Опричнев встретил Вискребенцеву.

— Тюлечка! — закричал он. — Сколько лет, сколько зим? А где все ваши? Где ваш дружок Авдей?

— Он на задании, — ушла от ответа Тюля.

— На каком еще задании? — не поверил Опричнев. — Вот я на задании, так это да. Меня телевидение назначило изучать рейтинг. Вы не хотите составить мне компанию?

— Что, тоже изучать рейтинг?

— Да, станете подсказывать мне, какие телепередачи, на ваш вкус, хорошие, а какие — не очень.

— Интересно, — согласилась Тюля, — хорошо, я составлю вам компанию.

Но когда Опричнев привел ее снова к Жоре Семенцу, Тюля попыталась отвертеться:

— Ой, не хочу я к этим...

— Тюленька, а изучение рейтинга? Это же типичные граждане, на которых нам надо ориентироваться.

— Вы же сами называли их жлобывателями.

— Мало ли как я их называл?.. Это просто во мне говорило ЧСВ.

— А что такое ЧСВ?

— Чувство собственной важности... Мне просто казалось, что я выше их, вот я их и унижал до жлобывателей, жлобыдла... Но это они, поймите, сегодня определяют звезд телевидения! Это они получают удовольствие не от голоса, а от рта певца, от ног ледникового периода. Это они обожают реалити-шоу с поеданием червяков на необитаемом острове, это они обожают наблюдать, как готовят нямку с маянезиком, это они обожают лечение медом, лопухами и собственной мочой. И мы не можем пройти мимо них, все телевидение от них зависит и на них настроено. На их вкус... Здорово, Жора! — Опричнев раскрыл объятия и вошел во двор к Семенцам. — Что жарим? Чей сегодня день рождения?

— Готовимся к футболу, — ответил Жора, — сегодня наши причешут карликов из какого-то микроскопического государства, названия которого я не помню: у меня по географии была круглая тройка... Боря Фимоз, пиво принес?

— Ро-си-я! Ро-си-я! — заорал Фимоз, выставляя фугасы с пивом. — Я брал из расчета: каждый гол — бутылка. Пять хватит?

— Аргентина—Ямайка — пять-ноль, — пропел Жора, — мало. Докупи до десяти.

Боря Фимоз рванул докупать.

— А че, Опричник, опять к нам? — поинтересовался Жора, не сводя глаз с Тюли.

— Рейтинг отправили к вам изучать. Что вам из сегодняшнего зомбоящика по нраву?

— Сериалы про ментов! — крикнула Киля, готовившая очередной тазик салата.

— Сериалы про армейские пионерлагеря с ухоженными солдатиками, — заметила Соня, мывшая огурчики.

— Сериалы с закадровой ржачкой, — подсказал Хачик, открывавший консервы, — ржачка, она заводит... От нее самому охота поржать.

— А я люблю все паранормальное, — подал голос Шурик Свисток, — и сериалы смотрю только с участием вампиров.

— А чего Тюленцию привел? — спросил Жора. — Она что, тоже рейтинг мерить пришла?

В голосе Жоры Киля сразу учуяла что-то недоброе для себя:

— Что, и Тюлька здесь? Ей еще рано измерять мужские рейтинги.

Тюля тоже учуяла недоброе для себя.

— До свидания, — сказала и ушла.

— Тюля! — крикнул вслед Опричнев и рванул за ней. — Вы не думайте, что я с ними. Я совсем другой. Я даже стихи пишу. Хотите, я вам стихи почитаю?

Обыватель, обыватель...

Не герой и не предатель,

Позитивный улыбатель,

С днем рожденья поздравлятель,

Одобритель, поддержатель, радостный рукоплескатель,

От законов убегающий,

Не встреватель, не создатель,

Ни черта не понимающий,

Телевизора смотрящий и рекламы поглотитель,

Всякой дряни покупатель, втюхиватель, потребитель,

Лох и тут же обуватель.

Он совсем не избиратель, на участок не ходитель.

Рубят сквер — он наблюдатель и немножечко грустител.

Убивают — не свидетель, просто мимопроходитель.

Что вы все к нему пристали? Он нормальный честный житель.

Указали — выбиратель, приказали — не стрелятель,

Нет — на митинг не ходитель, бесполезно не кричатель.

Что он, сам себе вредитель? Он чистейший обыватель.

Ну, немножко жлобыватель.

— Вот наконец-то, — улыбнулась Тюля, — вот оно, ваше отношение к ним...

Ободренный Опричнев продолжил:

На работу он ходитель

И зарплаты получатель,

Четко в отпуск отдыхатель
И детей своих раститель.
В армию их отдаватель
И налогов оплатитель.
И футбольный он болетель,
За команду всех порватель,
Много пива выпиватель
И «Судью долой!» оратель.
Но когда его стыдител,
Уши ватой набиватель,
Ключидверизапиратель...
Вот какой он обыватель. И немного жлобыватель.

Хозяин тюрьмы-пансиона «Баловни судьбы» закусывал на кухне, когда к нему постучали.

— Можно? — спросил Баклушин, приоткрывая дверь.

— А, клоун? — узнал хозяин. — Заходи.

— Господин хозяин, я как-то нечаянно оказался тут у вас в заключении, — замямлил Авдей, — хотел только заглянуть...

— Ничего, сынок, быстрее сядешь — быстрее выйдешь.

— Какое выйдешь, когда я в камере смертников?

— Тем более! Должен радоваться! Прошел такой конкурс — десять человек на место. Другие локти кусают — не могут попасть, а ты — на законных основаниях... Радоваться надо.

— Как на законных основаниях? — испугался Баклушин. — Я же ничего не совершал. Ни одного преступления.

— Мы тебя оформили сексуальным маньяком.

— Меня? Да моя девушка в ужас придет, когда узнает.

— С одним ты только тянешь — с доверенностью на свое имущество... Оформляй быстрее — быстрее станешь бессмертным... Представить не можешь, какая слава тебя ждет. Войдешь в историю как лучший клоун двадцать первого века.

— Но век только начинается.

— Вспомни Чаплина. Он тоже начал комиковать только в начале двадцатого века, а признан был лучшим комиком всего века.

— Но я не клоун, — заныл Баклушин.

— Здрасьте! Он не клоун! Уже отлит хрустальный клоунский ботинок твоего имени, который будет вручаться раз в год лучшим комикам мира! Уже готовится твоя смерть прямо на арене цирка!

— Моя смерть? — похолодел Авдей.

— Это же целая Ниагара славы!

В квартире Клёпы собрались Нюня Оскомина и Тюля Выхребенцева.

— Девочки, — начала Клёпа, — я собрала вас на совет... Что-то ничего не слышно от нашего зашланца Авдея. Меня это тревожит.

— Мы знаем адрес, куда он пошел на разведку, — сказала Нюня, — предлагаю сходить туда всем.

— Зачем?

— На месте сообразим.

— В комиссию похоронную ходить не надо, — остановила их Тюля, — после Трусевича Авдей был у вдовы умершего поэта, фамилию забыла, потом пошел в панси-

он «Баловни судьбы», адресок он мне успел сообщить... Вот по этому адресу и надо сходить.

Клёпа и Нюня переглянулись:

— Между вами какие-то отношения?

— Между нами теплые отношения, — смутилась Тюля.

— Вы что, встречаетесь?

— Встречаемся по делу...

— По какому еще делу?

— Девочки, вы прикидываетесь, — упрекнула Тюля, — мы же вместе стараемся разгадать тайны Понюшкина.

— Понюшкина? — наморщили лбы Клёпа и Нюня.

— Ну, который с Крымского моста прыгнул...

— А-а... Мы уже и фамилию его забыли... Это же другое дело... Это и Микстура, и Тютелько... Помним, помним... Мы же сами Авдея по этому делу в похоронную комиссию направили... Извини, Тюля, забыли.

— Ничего не забыли, — вдруг сказала Клёпа, — наш интерес к вашей встречаемости совсем не тот... Ты что, влюбилась в Авдея, что ли, Тюль?

Тюля покраснела.

— Надо искать пансион «Баловни судьбы», — решительно заявила Нюня.

Пансион «Баловни судьбы» издалека не был похож на тюрьму. Одноэтажный домишко, правда, с решетками на окнах, но нынче все первые этажи с такими решетками.

В бинокль разглядели открытые форточки, но людей за стеклом не сумели разглядеть.

Тюля заметила рыжего котенка, гревшегося на солнышке. Подошла к нему, погладила, а потом стала зачем-то перевязывать ему лапку.

Потом взяла его на руки и с независимым видом пошла прогуливаться к пансиону.

А потом неожиданно сунула котенка в открытую форточку и пошла прочь.

— Ты чего это, Тюль? — не поняла действий подруги Клёпа.

— Это наши секреты, — объяснила Нюня и достала из сумки какое-то устройство, похожее на радиоприемник.

— У нас на сегодня нет палача, — из радиоприемника послушался голос хозяина пансиона.

— При нынешней безработице найти палача — не проблема, — возражал ему голос Сатина.

— Это должен быть высокий профессионал, — упирался голос хозяина, — ведь помимо образования важно еще, кто руку ставил. А у нас таких — фигушки.

— Пригласите палача-иностранца, — послышался голос Баклушина.

— Он здесь, — обрадовалась Нюня, — это его голос.

— Но почему они говорят о палаче? — испуганно спросила Тюля.

— Девочки, это вы к лапе кота микрофон прилепили? — сообразила Клёпа. — Или как он называется? Жучка? Ой, молодцы! Это же мы теперь можем все слушать, куда наш кот забредет!

— Ваша камера смертников вообще не имеет никаких прав, — шумел в приемнике голос хозяина.

— Но вы же обещали нам командировку в рай, — кричал голос Сатина.

— Без палача ничего не могу! У палача командировочные бланки и печать! А он умер от свиного гриппа! А куда подевал печать, не знаю!.. Это вы тут котов развели? Откуда у вас взялся кот рыжий?

— Не знаем. Мы думали, что это ваш.

— В моем пансионе-тюрьме «Баловни судьбы» котов никогда не было и не будет! — продолжал кричать голос хозяина. — У меня на них аллергия.

— С ума сойти, — шептала Тюля, слушая трансляцию из пансиона.

— Пансион-тюрьма, — шептала Клёпа.

— Палач-иностранец, — шептала Нюня, записывая что-то в своей блокнот.

— Но главное, что Авдей здесь, — вышла из оцепенения Клёпа.

— Главное, как вытащить Авдея оттуда, — возразила Тюля.

— А как это сделать — неизвестно, — Нюня взяла бинокль и направила его на пансион-тюрьму.

В своей тюремной художественной студии друг Нулина писал свой автопортрет. Рядом стояло зеркало, куда художник поминутно заглядывал.

Из-за портъеры вышел Нулин с булкой:

— Привет.

— А, Нулин? Привет. Как тебе живется после смерти?

— Да разве это жизнь? Телевизор разбил...

— Топором, что ли?

— Почему топором? Стаканом... Не знаешь, наш каббалистик все еще гонит «телескоповку»?

— Почему ты называешь его каббалистиком?

— Ну, КАК БЫ космический балистик.

— Ах, в этом смысле... Вчера гнал.

— Надо будет навестить его.

— Когда тебя обещают отправить в рай?

— Да мне и здесь, в чистилище хорошо... Кормят хорошо, компания хорошая... Нас, умерших и погибших, уже шесть единиц. Было семь, но Микстуруа уже отправили.

— Ой, ну, какие из вас единицы? — отмахивался художник. — Разве что мнимые единицы. Помнишь, такие из математики? Минус единица.

— Минус единица — хорошее понятие. Это вообще ведет к мысли о мнимости мира. Может, у нас и государство мнимое?

Нюня перевела бинокль на другое окно пансиона. Там сидели несколько человек и листали газеты.

— Да, это большая слава: шесть статей с биографией, три статьи с изложением взглядов, куча фотографий, — цокал языком Сатин, — и где они отыскивали такие?

— А легенды какие! — млея Лукин. — Я как бы вылепил Галатею из шоколада и влюбился в нее на манер Пигмалиона. И она ожила! Обладеть, какая любовь!

— Из шоколада? — нахмурился Актеров. — Ты что, влюбился в негритянку?

— Главное, что назвали Пигмалионом, — возразил Сатин, — суть славы в этом.

— А у меня посмертная выставка картин, — художник раскрыл журнал, — особо отмечает «Самоубийство через распятие» и парафраз картины Васнецова «Три богатыря», где все три богатыря с моими автопортретами. Но самое большое потрясение — «Апофеоз войны» по мотивам Верещагина, где вместо горы черепов — гора моих автопортретов.

Нюня перевела бинокль дальше. Кажется, зал какой-то, и клоуны репетируют что-то. Под цирковой марш вынесли гроб. Каждый клоун держал свой угол гроба.

— Ой, клоуны, — проговорила Нюня, и Тюля сразу выдернула из ее рук бинокль.

Рыжий клоун громко прокричал:

— А сейчас у нас самый смешной номер — похороны Баклуши!

Клоуны продолжили маршировать, пока один из них — видимо, Баклуша — не заметил в зале знакомую нам женщину по фамилии Всячина, оторвался от своего уг-

ла гроба и стал заигрывать с ней. Достал из-за пазухи мятый цветок, распушил его и встал на колено. Стал кокетничать, строить глазки.

— Ой, я, кажется, сейчас умру, — проговорил клоун голосом Авдея.

— Сейчас, сейчас, — заторопились другие клоуны, опустили гроб на пол и открыли крышку, как бы приглашая внутрь, — скорей ложись в гроб, а то опоздаешь.

Клоун Баклуша влез в гроб, послал прощальный поцелуй Всячиной и улегся внутри. Клоуны закрыли его крышкой.

— Ой, он же забыл сказать последние слова перед смертью! Пусть скажет!

Крышку сняли, но в ужасе отскочили от гроба. Там никого не было.

Наклонили показать, что там никого — там в самом деле не было никого. Но мы-то знаем этот старый цирковой трюк: стенка на петлях и при наклоне закрывает того, кто внутри.

— Никого, — сказали клоуны.

— А ботинки? — спросил зеленый клоун. — Ботинки там?

— Только один, — сказал синий, — ах, как нам его будет не хватать.

— Конечно, — согласился желтый, — втроем этот дурацкий гроб очень неудобно носить.

— Кто сообщит родным о кончине? — спросил зеленый.

— Ботинку, что ли? У него никого больше не осталось. Можно, я сообщу? — синий стал гладить ботинок, как котенка. — Сиротинушка, на кого он тебя покинул? Никто тебя теперь не обует, не зашнурует, никто в угол не швырнет, — синий заревел, и струи слез полились у него из глаз.

Снова грянул цирковой марш, но теперь он стал сильно напоминать похоронный. Появился хозяин пансиона-тюрьмы:

— Предлагаю объявить этот год годом клоуна Баклуши, а все средства, вырученные за этот год, потратить на клоунскую премию с вручением копии золотого гробика, на котором Баклуша улетел в мир иной.

— Мне это не нравится, — сказала Тюля, опуская бинокль, — они положили Баклушина в гроб, и он улетел в мир иной...

— Стой, стой, — Нюня схватила освободившийся бинокль, — они все собираются в рай. Что это значит?

— Это убийство, — догадалась Клёпа, — надо вызывать полицию.

Какой-то автобус, стоявший на другой стороне улицы, стал разворачиваться и уехал куда-то.

Почти тут же появился микроавтобус со спецназом.

Из автобуса вышел лейтенант Оглоблин, достал мобильный телефон:

— Ольга? Мне Мыльневу... Ольга, выезжай с аппаратурой срочно... Сейчас начнется штурм, запиши адрес...

Спецназ стал окружать пансион-тюрьму. Прикрываясь кустиками и деревьями.

Подъехал телевизионный автобус с операторами.

Спецназ по сигналу Оглоблина в один миг с оружием ворвался внутрь...

И застыл как вкопанный... Внутри никого не было.

По пустым залам и комнатам быстрым шагом бежали спецназовцы, лейтенант Оглоблин, Ольга Мыльнева и Тюля. Никого нигде.

По дороге натолкнулись на цирковой гроб.

— Посмотрите, — крикнула Тюля, — нет ли в гробу?

— Труп, что ли? — спросил Оглоблин и поднял крышку.

Лежавший там Баклушин поднял верхнюю часть своего туловища и сел.

— Авдей!

— Тюля!

— А где все остальные ваши смертники?

— Отправились в рай.

— А где это?

— В обсерватории есть выход в подземный переход на ту сторону улицы...

Спецназовцы рванули было в обсерваторию, но Авдей их остановил:

— Автобус увез их к самолету...

— А самолет куда?

— Насколько я понял, в Парагвай. Там содержат всех умерших и погибших «Баловней судьбы»... Хотя не всех, — вспомнил Баклушин и вылез в своем дурацком клоунском костюмчике из гробика, — Тюля, я тебе сейчас еще что-то покажу...

Он повел Тюлю в кабинет хозяина пансиона-тюрьмы, подошел к шкафу и распахнул его дверцы.

Внутри сидел Александр Давыдыч Нюров.

— Что вы здесь делаете? — удивилась Тюля.

— Сижу, — ответил Нюров, — благодаря стараниям гражданина Баклушина.

— Может, хоть теперь вы нам расскажете, чем занимается ваша «фирма»...

— Расскажу, — легко согласился Нюров, — наша фирма называется «Событие»...

Вы, наверно, помните это римское — «хлеба и зрелищ»? Так вот мы отвечаем за зрелища. Но зрелищ сильно недостает: день города, день пива, день пожилого человека... Приходится додумывать. Например, юбилеи. Юбилеи реальные и юбилеи выдуманные: столетие граненого стакана, двухсотлетие кирзового сапога, трехсотлетие носового платка, четырехсотлетие обувного шнурка. Но это — для особо утонченной публики. А простым обывателям подавай в первую очередь терроризм: похищение людей, убийства, покушения, сексуальных маньяков... Вот и приходится культивировать их.

— В каком смысле «культивировать»? — спросила Тюля.

— Делать их объектом культуры, — не смущаясь, ответил Нюров.

— А потолковее? — спросил Авдей и еще больше заломил руку Нюрова.

— Ну, — пожал плечами Александр Давыдович, — это как у всех сценаристов...

Сначала автор идеи преступления, так сказать, наводчик. Потом автор преступления, который придумывает сюжет, запоминающиеся детали, выбирает вид оружия... Затем следует постановщик преступления. Он привязывает все к определенному месту, назначает время и подбирает исполнителей преступления. У нас очень строгий кастинг, строгий подбор преступников. Надо, чтобы лица не мелькали часто, поэтому нужен новый набор, вакансии. Вот мы и набираем людей обещанием высоких заработков.

— А что такое «Баловни судьбы»? — задала вопрос Тюля.

— Это тюрьма-пансион. Здесь каждый за деньги может получить славу. Разумеется, посмертную.

— Посмертную? — переспросила Тюля.

— Смерть неокончательная, — вывернулся Нюров, — видите ли, идея «Баловней судьбы» — помочь неудачникам получить шанс выбиться в люди.

— Что за неудачники?

— Это люди с нерешенными проблемами. Клуб растерянных. Солдаты неудачи. Лозунг «баловней судьбы» — жизнь надо строить из тех кирпичей, которые падают на голову... Но это лучше всего мог бы рассказать вам сам хозяин тюрьмы, который является акционером нашего закрытого акционерного общества «Событие».

— А кто еще — в этом вашем закрытом акционерном обществе?

— Нужный судья помогает нам с нужным приговором... Да мало ли?.. У нас целый холдинг нужных людей.

— А где сейчас хозяин тюрьмы?

— Улетает за границу.

— Далеко?

— Это тоже идея «баловней судьбы». Желающий умереть или погибнуть ради славы вносит деньги в райский фонд. Фонд рая подбирает ему где-то райские условия, и желающий переезжает жить туда уже под другой фамилией.

— Конкретно, куда?

— Для начала были выбраны необитаемые острова Океании, но жить в райских условиях там оказалось невозможно. Одна борьба за существование: рыбу ловить, корешками питаться... Тогда попытались отыскать место где-нибудь в Патагонии, но и там не вышло из-за нерайского климата... Но где-то в Латинской Америке все-таки, кажется, нашли.

— Парагвай, что ли? — усмехнулся Баклушин.

— Я не в курсе. Знает только хозяин тюрьмы, который сейчас туда улетает.

— Красиво у вас все придумано, — покачала головой Тюля, — но от суда вам все равно не уйти.

— Нам — суд? — возмутился Нюров. — За что? У нас ни одного убитого!

— А Понюшкин? — вспомнил Авдей. — Который покончил с собой с Крымского моста!

— Гриша? — с удивлением воскликнул Нюров и пригласил всех в соседний кабинет.

В соседнем кабинете за компьютером сидел живой Гриша Понюшкин.

— Позвольте представить вам, — торжественно объявил Нюров, — лучшего автора всех наших преступлений!

Тут же невеста откуда вынырнула куча телеоператоров во главе с Ольгой Мыльневой и стала снимать все, что подвернется под глаз.